То-то и то-то

Оставайся Свободным

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

manere liberum

То-то и то-то

https://litres.ru/74971957
SelfPub; 2026

Аннотация

Полковник запаса Богдан Непейвода, сапёр, после похорон матери объявляет выезд. Куда — не оглашается. Зачем — засекречено. Что именно предстоит найти, не знает, похоже, и он сам.

Его сын Ярослав, основатель всего, что когда-либо закрывали, пишет под это Схему. Это бизнес-план, в котором вместо цифр стоят скобки: «Мы собираем (столько-то) денег. Делаем (то-то и то-то). Конфискуем имущество конкурентов. Если только не». К Схеме прилагаются обеты трезвости, безбрачия и отказа от материальных благ, сто килограммов риса, шесть ящиков с кодовыми замками и УАЗ-«буханка» с надписью «Хлеб» по борту.

Шесть человек, одна машина, два месяца дороги и ни одной цифры в скобках.

Смешная и нежная книга о семье, которая разговаривает приказами, скобками и актами поверки, и о том, что смысл начинаешь видеть, когда он у тебя уже есть.

Содержание

Область определения 11
Задача семнадцать 12
Ректор 25
Майя. Доллар 40
Подтвердите 50
Варя. Плюс-минус 61
Номер один, номер два, номер три 67
Отец. Журнал маршрута, запись первая 83
Стадия 1 88
Посвящение 89
Эварист. Завалинка 102
Быть или не быть должным 109
Конец ознакомительного фрагмента. 116

manere liberum
То-то и то-то

Оставайся Свободным

То-то и то-то

Отчёт о выполнении Схемы за период с 1 сентября по 31 октября, составленный участником № 4 согласно #9.11 и разосланный участникам на согласование

Полковник запаса Богдан Непейвода, сапёр, после похорон матери объявляет выезд. Куда — не оглашается. Зачем — засекречено. Что именно предстоит найти, не знает, похоже, и он сам.

Его сын Ярослав, основатель всего, что когда-либо закрывали, пишет под это Схему. Это бизнес-план, в котором вместо цифр стоят скобки: «Мы собираем (столько-то) денег. Делаем (то-то и то-то). Конфискуем имущество конкурентов. Если только не…» К Схеме прилагаются обеты трезвости, безбрачия и отказа от материальных благ, сто килограммов риса, шесть ящиков с кодовыми замками и УАЗ-«буханка» с надписью «ХЛЕБ» по борту.

Отчёт о поездке пишет Филипп Сотых, поверитель средств измерений из Иванова. На любой заправке он находит недолив в одну целую восемь десятых процента. А сказать дочери полковника, что любит её, не может, потому что не знает погрешности. Остальные участники оставляют за-

мечания на полях. Майя, мастер спорта по вольной борьбе, грозится сломать палец за неточное описание своего уха. Эварист Лазаревич, математик, исправляет рекламу лаком для ногтей. Варя, авиадиспетчер, подтверждает всё, кроме главного.

Шесть человек, одна машина, два месяца дороги и ни одной цифры в скобках.

Смешная и нежная книга о семье, которая разговаривает приказами, скобками и актами поверки, и о том, что смысл начинаешь видеть, когда он у тебя уже есть.

Содержание

✷0. Область определения
✷0.1. Задача семнадцать
✷0.2. Ректор
✷0.3. Майя. Доллар
✷0.4. Подтвердите
✷0.5. Варя. Плюс-минус
✷0.6. Номер один, номер два, номер три
✷0.7. Отец. Журнал маршрута, запись первая
✷1. Стадия 1
✷1.01. Посвящение
✷1.02. Эварист. Завалинка
✷1.03. Быть или не быть должным
✷1.04. Батарейки
✷1.05. Суздаль. Филипп и Толик
✷2. Стадия 2

✷2.01. График как трактат
✷2.02. Забор. Филипп и Эварист
✷2.03. Эфир
Приложения к ✷2.03
✷2.04. Прослушавшие
✷2.05. Варя. Вахта
✷2.06. Майя. Сбой на линии
✷2.07. Теоретические деньги
✷2.08. Оптимальная нарезка
✷2.09. Из ничего
✷2.10. Ночь в Тольятти
✷2.11. Отец. Журнал. Эварист. Вопрос знатокам
✷3. Стадия 3
✷3.01. Ящики
✷3.02. Сон в летнюю ночь
✷3.03. Сборная солянка
✷3.04. Варя. Таблица
✷3.05. Самая медленная погоня
✷3.06. Майя. Приправа
✷3.07. Косымша
✷3.08. Толик. Мама, я перезвоню
✷3.09. Форс-мажор
✷4. Стадия 4
✷4.01. Аральск
✷4.02. Варя. Дно
✷4.03. Точка

✷4.04. Эварист. Шут
✷4.05. Потеря командования
✷110.643. Филипп и Варя
✷4.06. Майя. Стихия
✷4.07. Вскрытие ящиков
✷4.08. Кантубек
✷4.09. Акт
✷4.10. То-то и то-то

Уважаемые участники!

Согласно ✷9.11 Схемы («По завершении Стадии 4 участник, наименее занятый подсчётом прибыли, составляет отчёт»), направляю вам отчёт. Наименее занятым оказался я, чему, полагаю, никто не удивится.

Поскольку сама Схема утрачена при обстоятельствах, всем нам хорошо известных и описанных мною в разделах ✷2 и ✷3 настолько сдержанно, насколько позволяет материал, цитирую её по памяти и по уцелевшим страницам (две штуки). Там, где я пишу не о себе, я пользуюсь приложениями: журналом маршрута (Б. Н.), апдейтами для инвесторов (Я. Н.), распечатками форума (Э. Г.), расшифровками устных показаний (М. Ш.), голосовыми сообщениями человека, которого уже нельзя спросить, разрешения на это я спросил у его мамы, материалами жалобного производства № 1411 и записками В. Н., единственного из нас человека, за которым ничего не приходится исправлять.

Прошу вносить замечания на полях, с инициалами. Заме-

чания я оставляю в тексте как есть: в моей профессии не принято стирать показания только потому, что они неприятны.

Погрешность указана везде, где я её знаю.

Ф. А. Сотых, поверитель средств измерений, ЦСМ, г. Иваново

Лист согласования

Для сторонних читателей, буде таковые появятся: замечания на полях подписаны инициалами. Возраст указан на момент выезда.

Б. Н. Богдан Тарасович Непейвода, 61 год, полковник запаса, сапёр. Участник № 1, старший по Схеме. Майя зовёт его командиром.

Я. Н. Ярослав Богданович Непейвода, 30 лет, его сын, основатель всего. Участник № 2, один из составителей Схемы. Он же Яр. Майя зовёт его «этот».

В. Н. Варвара Богдановна Непейвода, 23 года, дочь Б. Н., авиадиспетчер. Участник № 3.

Ф. С. Филипп Андреевич Сотых, 25 лет, поверитель, составитель этого отчёта. Участник № 4. Он же Сотка (Я. Н.), Простофиля (Б. Н.) и Калькулятор (М. Ш.).

М. Ш. Майя Рустамовна Шарипова, 28 лет, мастер спорта по вольной борьбе, спутница Я. Н. Участник № 5.

Э. Г. Эварист Лазаревич Гурвич, 32 года, математик, друг В. Н. Участник № 6. Он же Эвакуатор (Б. Н.) и профессор (М. Ш.).

Остальные лица поясняются по мере появления, те из них,

кого ещё можно пояснить.

Уцелевших страниц три. Третью ты не считаешь, потому что тебе стыдно. — Э. Г.

Где цифры? Инвестор открывает документ на первой странице и закрывает на первой странице. — Я. Н.

Не было. — Б. Н.

Чего не было-то, командир, он ещё ни хрена не написал. — М. Ш.

«Спутница». Я тебе чё, аппарат на орбите? — М. Ш.

Подтверждаю получение. — В. Н.

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

(на отдельной бумаге, чтобы было удобнее её съесть)

Чтобы ознакомиться со Схемой, вы должны быть умны как Григорий Перельман, ловки как Гарри Гудини, непреклонны как протопоп Аввакум, богаты как Джон Рокфеллер (можно духовно), непрошибаемы и способны в случае потери командования управлять средним истребителем с ядерными ракетами при нулевой видимости.

Это необходимо учитывать, так как с тех пор, как одна маленькая старушка купила акции у компании по производству влажной туалетной бумаги на 100 долларов, а компания обанкротилась и вернула ей только 99, мы у правительства под колпаком.

И чтобы отпугнуть слабаков.

Если вы дочитали до этого места и не испугались, это ещё

не значит, что вы не слабак. Это может значить, что вы не поняли.

Поставьте подпись и съешьте.

Подпись: _____

✸0

Область определения

✷0.1

Задача семнадцать

В восемнадцать лет я завалил единый государственный экзамен по математике тем, что решил задачу.

Шла она под номером семнадцать и была про бассейн. В бассейн, как заведено в отечественной педагогике со времён Магницкого, вели две трубы, и по первой вода втекала, а по второй в это же самое время вытекала, и за триста лет существования жанра никто так и не объяснил школьнику, какой именно идиот проектировал этот бассейн и почему его до сих пор не посадили. Первая труба наполняла бассейн за шесть часов, вторая опустошала его за четыре. Спрашивалось, за какое время бассейн наполнится, если открыть обе.

Я сложил дроби, получил минус одну двенадцатую, перевернул и уже занёс ручку над бланком, когда рука у меня остановилась сама, как останавливается нога перед ступенькой, которой нет. Ответ был минус двенадцать. Кто-то в Федеральном институте педагогических измерений (такой институт действительно есть, и слово «измерений» стоит в его названии совершенно без стыда) переставил в условии две цифры, и получилась задача о бассейне, который наполнится двенадцать часов назад.

Нормальный человек на этом месте пишет в бланке «12», потому что именно этого от него и ждут, и переходит к восемнадцатой, а там и к остальной жизни. Я хочу, чтобы было

записано: я это понимал. Я и теперь это понимаю. Но бассейн уже существовал, он стоял у меня перед глазами пустой, с двумя открытыми трубами, из которых одна безнадёжно проигрывала другой, и над ним, судя по всему, двенадцать часов назад кто-то стоял и смотрел на полную чашу воды, не зная, что видит её в последний раз, и мне требовалось выяснить, что всё это значит.

Следующие три часа пятьдесят минут я выяснял. Я рассмотрел случай, когда перепутаны трубы, и задался вопросом, имеет ли экзаменуемый право считать условие ложным, и если имеет, то что ещё он имеет право считать ложным, например, расписание экзаменов. Я рассмотрел дождь. Я рассмотрел случай, когда бассейн изначально полон, и он тогда опустеет за двенадцать часов, что составляет единственное непротиворечивое прочтение текста, но отвечает на другой вопрос. Я рассмотрел испарение, чтобы показать, что оно только ухудшает дело. На девятой странице я ввёл понятие потенциального бассейна, то есть ямы, которая при определённых допущениях могла бы быть бассейном, но в рамках заданного оборудования никогда им не станет. На одиннадцатой странице я сформулировал вывод: данный бассейн был полон двенадцать часов назад, в настоящее время пуст и наполнен быть не может, и поэтому правильный ответ на вопрос «за какое время» звучит так: никогда.

Когда я поднял голову, в аудитории оставались наблюдательница и муха. Наблюдательница смотрела на меня с тем

выражением, с каким смотрят на человека, разговаривающего в автобусе с собственной сумкой. Первую часть бланка я, к счастью, заполнил в первые полчаса, ещё до бассейна, а задачи с восемнадцатой по двадцать пятую остались белыми, и в этой белизне была какая-то последняя, окончательная чистота, которую я тогда не оценил.

Я набрал двадцать семь баллов из ста. Двадцать семь и есть минимальный порог, то есть с юридической точки зрения я не был идиотом, но запас составлял ноль.

Конфликтная комиссия заседала в кабинете с фикусом. За столом сидели три женщины одного и того же возраста, в котором женщины начинают проверять работы за внуками, и средняя держала мои одиннадцать страниц за уголок, как держат что-то мокрое.

— Молодой человек, — сказала она, — у вас не решены восемь заданий. Почему?

— Не хватило времени.

— А на это хватило.

— На это хватило впритык.

Левая женщина посмотрела в окно, где ничего не было. Я объяснил, что в семнадцатой задаче ошибка, что я могу это показать, что на третьей странице это показано, и что на самом деле вопрос стоит шире. Средняя женщина положила страницы на стол и сказала тем голосом, каким сообщают родственникам, что всё прошло спокойно:

— Мы знаем про ошибку. Нам сообщили в тот же день.

За семнадцатую всем поставлен балл автоматически. И вам поставлен. Вот, видите.

Так я узнал, что за одиннадцать страниц мне начислили один балл, ровно столько же, сколько девочке из соседнего ряда, которая написала в этой графе слово «вода» и нарисовала рядом дельфина.

Мама прочитала мою работу вечером на кухне, в очках, шевеля губами и не пропуская формул. Она тогда ещё числилась наладчицей на меланжевом комбинате, то есть всю жизнь чинила то, что работало неправильно, и понимала в этих вещах больше, чем комиссия. Дочитав, она сняла очки, подержала их и спросила:

— Филя, а зачем?

На этот вопрос я ищу ответ до сих пор, причём применительно к довольно широкому кругу явлений. В третьем классе я измерил рулеткой школьный коридор и выяснил, что он на четыре сантиметра короче, чем указано на плане эвакуации, и пришёл с этим к завучу. В четырнадцать лет я починил замок на чужой двери на нашей площадке, потому что он заедал и это было слышно каждый вечер, когда сосед возвращался домой; я делал это при свете фонарика, пока сам сосед стоял с той стороны и говорил в телефон наш адрес, а приехавший наряд, разобравшись, попросил посмотреть ещё и замок на их «уазике». У меня нет этому объяснения. Передо мной появляется что-то, что показывает неправильно, и я оказываюсь уже внутри, с отвёрткой, и только там, через

несколько часов, вокруг начинают проступать люди, и они чего-то от меня хотели, и у них испорчен вечер.

Для полноты картины: я средне-спортивного телосложения. Это не самооценка, а результат. Я подтягиваюсь одиннадцать раз, и двенадцатого не будет ни при каких обстоятельствах, это проверено в том числе при обстоятельствах. Уши у меня отходят от черепа на тридцать один градус. Автоматические двери в «Пятёрочке» реагируют на меня через раз. Отец мой, по имеющимся сведениям, существовал, но погрешность этих сведений превышала измеряемую величину, и я давно исключил его из расчётов.

Двери реагируют. Ты не туда встаёшь. — В. Н.

В то лето с двадцатью семью баллами я подал документы в девять мест. Энергетический университет ответил формой. Текстильная академия, в чьих стенах ещё пахло последним выпуском, ответила формой подлиннее. В двух местах со мной поговорили лично и, глядя в экран, спросили, не ошибся ли я дверью, что меня как раз задело меньше всего, поскольку это был корректно поставленный вопрос. В начале августа, в два часа ночи, в состоянии, которое я тогда назвал бы спокойствием, я набрал в поисковике «вуз иваново без егэ вообще» и на четвёртой странице выдачи нашёл сайт. На нём были глобус, рукопожатие и женщина в наушниках. Сайт принадлежал Независимому институту инновационных человеческих единиц глобального образования, и там была кнопка «Подать заявку». В графе «Почему вы хо-

тите учиться у нас?» я написал: «В условии ошибка», нажал кнопку и посмотрел на часы, потому что я всегда смотрю на часы.

Письмо пришло через четыре секунды.

«Поздравляем! Приёмная комиссия НИИЧЕГО внимательно изучила вашу заявку и с радостью сообщает, что вы приняты!»

Я прочитал это, наверное, раз тридцать, и каждый раз останавливался на слове «внимательно». Четыре секунды. Комиссия не может внимательно изучить заявку за четыре секунды: она не успеет даже встать из-за стола и сказать другой комиссии, что пришла заявка. Значит, либо комиссии не было, либо это была самая эффективная комиссия в истории российского образования, и в обоих случаях передо мной находилось нечто, что показывало неправильно. В самом низу страницы мелким шрифтом был указан адрес. Утром я сел в троллейбус.

Город Иваново известен всей стране как город невест. Этим мы обязаны текстилю: когда-то на ткацких фабриках работали почти одни женщины, и какой-то гений пустил слух, а слух пережил и фабрики, и текстиль, и, по моим наблюдениям, значительную часть невест. От промышленной славы остались красные корпуса с чугунными колоннами, стоящие по всему городу с видом родственников на похоронах, которым никто не объяснил, когда можно уходить. Корпус номер три бывшей фабрики имени Восьмого Марта сто-

ял за забором с дырой. Внутри пахло машинным маслом, столетней хлопковой пылью и свежей, очень дешёвой краской, а в полу через равные промежутки шли ряды болтов, к которым когда-то крепились станки, отчего цех походил на кладбище, где оставили только крепёж.

Посреди цеха стоял человек и прибивал к чугунной колонне вывеску. Стремянка стояла рядом, он ею не пользовался. Я потом измерил его, когда он спал, и в нём оказалось два метра четыре сантиметра.

Два ноль шесть. Спал я лёжа, ты мерил с погрешностью на изгиб. — Я. Н.

Он был красный. Я не сразу подобрал другое слово и потом так его и оставил. Красная шея с работающими венами, красные руки, а лицо ещё и покрыто следами юношеских прыщей так густо и так равномерно, что напоминало обратную сторону Луны, снятую зондом, который потом не вернулся. На нём был жилет, надетый, как выяснилось, на голое тело, что в цеху с температурой склепа выглядело заявлением. Изо рта у него шёл пар с запахом арбуза, и через секунду я разглядел в левой руке вейп размером с небольшой огнетушитель.

— Ты кто? — спросил он, не оборачиваясь и не вынимая изо рта гвоздей.

— Сотых. Я получил от вас письмо. Я приехал проверить, существуете ли вы.

Он забил гвоздь. Потом он выплюнул остальные в ладонь,

обернулся и посмотрел на меня сверху вниз, с большого расстояния, медленно, как смотрят на редкое насекомое, которое пока не решили, давить или продавать.

— Повтори.

— Письмо пришло через четыре секунды. Комиссия не может внимательно изучить заявку за четыре секунды. Следовательно…

— Стоп. Стоп. Стоп. — Он поднял огромный палец. — Ты пришёл ногами?

— На троллейбусе.

— Но сюда. Физически. Вот сюда. Чтобы учиться.

— Чтобы проверить.

Он засмеялся раньше, чем я договорил, причём смеялся он на вдохе, втягивая воздух с присвистом, как смеются астматики и диктаторы, и колонна с вывеской, казалось, немного в этом участвовала. На вывеске, если читать только заглавные буквы, было написано: Н. И. И. Ч. Е. Г. О.

Ярослав Непейвода, двадцати трёх лет, был отчислен с последнего курса энергетического университета за то, что организовал среди студентов тотализатор на разводы преподавателей с коэффициентами, уточняемыми в реальном времени, и это, насколько я могу судить, был первый и последний случай, когда на его кафедре кто-то применил теорию вероятностей с прибылью. Отцу, полковнику, он об этом сказать не смог. Он сказал, что поступил в магистратуру независимого международного института. Отец спросил, где находит-

ся институт. Ярослав назвал первую фабрику, мимо которой проезжал. Отец записал адрес и сказал, что приедет посмотреть через шесть недель.

— И вот ты понимаешь, Сотка, — говорил он, сидя на ящике и всё равно глядя на меня чуть сверху, — можно вскрыться, а можно построить институт. За шесть недель. Это кейс. Этаж я снял за копейки у чувака, который сам забыл, что он тут владелец. Сайт сделал за две ночи. Глобус, рукопожатие, тётка в наушниках, тётка очень важна, без тётки нет доверия. Кнопка на сайте вообще была для красоты, там автоответчик, я его отключить забыл. Для красоты, понимаешь? А теперь смотри.

Он протянул мне телефон. На экране была папка заявок, и в ней сто сорок одно письмо.

— За неделю. Вся область. Все, кого послали. Я думал, ну пять дебилов. Смотри, вот, девочка из Кохмы: «Меня никто никогда никуда не брал, я просто проверяю, работает ли кнопка». — Он на секунду замолчал, и арбузное облако постояло между нами без движения. Я тогда решил, что мне показалось. — Короче, сто сорок один дебил, и им уже всем пришло, что они приняты. И один из них пришёл ногами. Это ты. У тебя с собой что?

У меня с собой были мои одиннадцать страниц. Я носил их тогда везде, на случай, если кто-нибудь спросит, и никто никогда не спрашивал. Ярослав взял их, лизнул палец размером с сардельку и пролистал всю работу примерно за со-

рок секунд, причём дольше всего он смотрел не на формулы, а на меня, поверх листов.

— Седьмая страница, — сказал он. — Знак потерял. Третья строка снизу.

— Там нет…

Там был. Минус ушёл при переносе. Два месяца, комиссия и мама этого не заметили, а я сам перечитывал эту работу столько раз, сколько другие люди не перечитывают письма от умерших.

— Вывод у тебя верный случайно, — сказал он безо всякого злорадства, как говорят «у тебя шнурок». — Но вот это. — Огромный палец лёг на девятую страницу. — Потенциальный бассейн. Яма, которая при определённых допущениях. Ты вообще понимаешь, что ты написал? Это самое тупое, что я видел в жизни, это четыре часа ради ничего, и это вся венчурная индустрия на одной странице. Ты нанят.

— Я принят, — сказал я. — Там было написано, что я принят.

— И это тоже. На втором этаже какая-то лаборатория, там железки всякие, отец захочет потрогать. Он всё трогает. Разберись, что там, чтоб работало и выглядело. Будешь у меня лабораторный корпус.

Не могу сказать, что в эту минуту я принял решение. Я вообще редко замечаю момент, когда принимаю решения; обычно мне потом сообщают. Я подумал, что на втором этаже находятся какие-то приборы, неизвестно, правильно ли

они показывают, и что троллейбус всё равно ходит раз в сорок минут.

В тот же вечер я прочитал в интернете про кариотип 47,XYY, который встречается примерно у одного мужчины из тысячи: это когда в клетках лишняя Y-хромосома, а признаки включают высокий рост, тяжёлые угри в подростковом возрасте и повышенную импульсивность. Американские криминологи шестидесятых, обследовав тюрьмы, объявили её хромосомой убийц. Ничего утверждать я не стал. Я просто завёл файл.

Американские криминологи шестидесятых ошибались: связи с насилием не подтвердилось, что я объяснял тебе шесть раз, а файл ты ведёшь седьмой год. Твой друг такой не из-за хромосомы. Твой друг такой совершенно бесплатно. — Э. Г.

Я сдал кариотип, 46,XY. Могу показать бумагу. — Я. Н.

Кровь сдавал сам, бумагу получал сам. Погрешность не исключена. — Ф. С.

К концу августа в корпус номер три пришло ногами девяносто шесть человек. Это были люди с двадцатью семью баллами и люди с пятьюдесятью, у которых не оказалось денег, мальчик, которого выгнали из духовного училища за вопросы, две подруги из Шуи, поступавшие только вдвоём, тридцатилетний сварщик, сорокалетняя женщина, которая сказала, что просто хочет куда-нибудь ходить, и девочка из Кохмы, оказавшаяся крошечной и почти беззвучной. Все они си-

дели на ящиках в цехе, среди рядов болтов, и смотрели на Ярослава с той страшной надеждой, с какой смотрят на человека, который единственный в их жизни сказал «поздравляем».

Учебной программы у него не было. Он это понял примерно за час до начала учебного года. Я видел этот час: он ходил вдоль цеха большими шагами и говорил в телефон, и никто на том конце не подходил. Потом он остановился, взял ведро самой дешёвой белой краски, прокатал валиком кусок торцевой стены метров на десять и, пока та ещё блестела, высыпал на ящик сотню строительных маркеров.

— Чему хочешь научиться, — объявил он цеху голосом, от которого где-то наверху снялись голуби, — напиши сам! Вот программа. Это называется адаптивная образовательная траектория. Первый, кто скажет, что это развод, будет деканом!

Некоторое время никто не двигался. Потом сварщик встал, подошёл к стене, долго выбирал маркер и написал печатными буквами: «ПОЧЕМУ ВСЁ ТАК». Сорокалетняя женщина написала: «Как разговаривать с матерью, если ей 80 и она права». Мальчик из духовного училища написал: «Кто такой Кант и что ему надо». К вечеру там значились «Заборы: теория и практика», «Ругательства народов мира (сравнительный курс)», «Как не бояться», «Гаражная геополитика», «Пиво» и почерком девочки из Кохмы, очень мелко, у самого пола: «можно ли просто сидеть рядом». Я подошёл

последним, когда все уже разошлись по цеху спорить, кто это будет преподавать. Я постоял, потом написал: «Сколько всё весит на самом деле». Посмотрел, поставил рядом «±» и не придумал, что писать дальше.

Оставалась одна трудность. Через девять дней приезжал с инспекцией полковник Непейвода, и предъявить ему требовалось не только стену, но и ректора.

✷0.2

Ректор

Ректора Ярослав нашёл там, где в нашей стране находят всех, кому больше негде находиться: на форуме дачников. Форум назывался «Завалинка», и подробнее о нём будет сказано в своём месте, а пока достаточно знать, что в разделе «Куплю/Продам», между объявлениями о навозе и о мотоблоке, однажды ночью появилась строка: «Требуется ректор. Опыт не обязателен. Совесть нежелательна. Оплата определяется». Через одиннадцать минут под ней возник единственный ответ от пользователя Гипотенуза: «Определите “оплата”».

Он приехал на следующий день на складном велосипеде «Кама», рассчитанном, по-видимому, на советского подростка, и ехал на нём так, что колени проходили на уровне ушей, а сам он напоминал плотницкий метр, который кто-то попытался перевезти в раскрытом виде. Спешившись, он сложился ещё раз, чтобы пройти в дыру в заборе, и там, с другой стороны, распрямился почти до двух метров, точнее, до метра девяноста четырёх, и веса в этих метрах было столько, сколько бывает в школьнике, переболевшем в августе. На нём был бархатный пиджак цвета старого вина. На шее ходил кадык, как поршень в прозрачном цилиндре, глаза навыкате смотрели на всё с лёгким удивлением, словно каждый предмет только что сказал ему что-то неожиданное и неверное.

На указательном пальце правой руки, только на нём одном, ноготь был покрыт тёмно-вишнёвым лаком.

— Эварист Лазаревич Гурвич, — сказал он неожиданно приятным голосом, каким дикторы читают погоду для судов. — Мои родители, оба математики, назвали меня в честь юноши, застреленного на дуэли в двадцать лет, что многое говорит о том, чего они ждали от жизни. Вы ищете ректора для несуществующего института.

— С чего вы взяли, что несуществующего? — сказал Ярослав.

— У вас в объявлении сказано «совесть нежелательна». У существующих институтов это подразумевается. Каковы критерии отбора?

— Чтоб выглядел как ректор и чтоб не было жалко.

— Выгляжу я, разумеется, не как ректор, мне двадцать пять, но это устранимо мелом. По второму пункту у меня имеются рекомендации.

Рекомендации заключались в следующем. Весной кандидат физико-математических наук Гурвич, защитившийся в двадцать четыре и работавший в одном ивановском вузе, прочитал второму курсу лекцию об основаниях теории вычислимости и, рассказывая о машине Тьюринга, счёл нужным сообщить, чем закончилась жизнь её автора. Он сообщил про приговор, про гормональные инъекции и про надкушенное яблоко. Через неделю в деканат поступило письмо от родителей, которых беспокоило, чему учат их детей. Де-

кан, человек незлой, вызвал его, закрыл дверь и долго смотрел на палец.

— Эварист Лазаревич, — сказал декан. — Ну зачем вы про яблоко?

— Там был цианид, Павел Викторович. Это, в сущности, химия.

Уволили его по соглашению сторон, одна из которых не соглашалась. С тех пор он давал уроки абитуриентам, а ночами, как он выразился, вёл непрерывную полемику с государством, обществом и отдельными садоводами.

— А палец — это что? — спросил Ярослав, который никогда в жизни не обходил то, что торчит.

Эварист Лазаревич поднял палец и посмотрел на него, как на чужого, но неплохого студента.

— Это указательный палец, — сказал он. — Он указывает.

— На что?

— Обычно люди догадываются сами и потом за это на меня обижаются.

— Платить буду мало.

— Определите «мало».

Они определили. Это заняло сорок минут, и по ходу дела выяснилось, что Гурвич в уме обнаружил в бизнес-плане Ярослава две ошибки, а Ярослав в уме обнаружил в возражениях Гурвича одну, и я, наблюдавший это с ящика, впервые увидел на его лунном лице выражение чистого, почти

детского счастья. Я помню, что в этот момент почувствовал себя так, как, должно быть, чувствовал себя конюх при первой встрече Гёте с Шиллером.

Шиллер тут я. — Э. Г.

Гёте больше зарабатывал. — Я. Н.

Лаборатория находилась на втором этаже, за дверью с табличкой «ЦЗЛ. Посторонним вход воспрещён». Дверь оказалась не заперта. Я ожидал увидеть там то же, что и везде на этой фабрике, то есть голубиный помёт и следы вывоза цветного металла, а увидел длинную комнату с чисто вымытыми окнами, ряд шкафов с плоскими выдвижными ящиками, столы с серыми каменными плитами и женщину лет шестидесяти семи в синем халате, которая протирала фланелью что-то маленькое и блестящее. Она подняла на меня глаза, ничуть не удивившись.

— Вы из какого цеха?

— Я не из цеха. Фабрика закрыта, — сказал я, чувствуя, как глупо это звучит. — Она закрыта двенадцать лет.

Женщина подумала над этим так, как думают над непроверенным слухом.

— Приказа не было, — сказала она и вернулась к фланели.

Звали её Нина Фёдоровна. Она работала в центральной заводской лаборатории с шестьдесят девятого года, и когда предприятие умирало, распродавая себя по частям, про лабораторию, находившуюся в другом подчинении, просто забыли, а ей никто ничего не сообщил. Вахтёров не стало, зар-

платы не стало, потом кончилось начальство, но у неё оставался ключ. Два раза в неделю, по вторникам и четвергам, она приезжала из Кохмы двумя автобусами, снимала пыль, проверяла приборы по образцовым мерам и записывала результаты в журнал, который никто не читал. Журнал занимал уже четырнадцать томов. Я, наверное, должен был тогда задать ей вопрос, зачем она это делает. Я его не задал. Я спросил, что у неё в руке.

— Концевые меры. Плитки Иогансона, — сказала она и вложила мне в ладонь брусочек из закалённой стали, холодный, тяжёлый и зеркальный, как осколок чего-то очень дорогого. Потом вложила второй. — На. Притри.

Я не понял. Она показала: приложила один брусок к другому плашмя, надавила большим пальцем и чуть повернула. Потом разжала пальцы, и брусков больше не было, а был один брусок. Я потянул. Он не разъединялся. Я потянул сильнее, и у меня заболела рука. Там не было магнита, там не было ни клея, ни резьбы. Два куска стали, поверхность которых была отшлифована с отклонением в миллионные доли миллиметра, легли друг на друга и не собирались расходиться, и держали на себе, как сообщила Нина Фёдоровна, снимая с полки гирю, по тридцать килограммов на такой вот сустав. Чтобы их разъединить, нужно было не тянуть, а сдвигать вбок, спокойно и не торопясь.

— Почему? — спросил я. Голос у меня, кажется, изменился.

— Притёрлись.

— Это не объяснение.

— Это не объяснение, — согласилась она. — Есть три теории. Вакуум между поверхностями, плёнка масла и молекулярное притяжение. Какая верная, никто до конца не скажет. Эти плитки швед придумал в тысяча восемьсот девяносто шестом, с тех пор весь мир по ним меряет.

Я стоял с этим бруском в руке, и со мной что-то происходило. Впервые в жизни я держал вещь, про которую было совершенно точно известно, какого она размера, до миллионной доли, и столь же точно неизвестно, почему она так себя ведёт, и это распределение знания и незнания, указанное честно, с обеих сторон, показалось мне единственным приличным устройством мира. Потом Нина Фёдоровна сказала, что руками плитки не хватают, что тепло рук даёт линейное расширение, и что сейчас она покажет, как правильно.

Я провёл в этой комнате следующие девять дней и большую часть следующих четырнадцати месяцев.

Первый раз вижу, чтобы он так написал о женщине. — М. Ш.

Инспекция была назначена на полдень субботы. К этому часу Ярослав готовил представление, превосходившее по организации большинство известных мне государственных праздников: расписание занятий, поточную лекцию ректора, студентов, перетекающих из аудитории в аудиторию (аудитории были разгорожены упаковочной плёнкой), и мел в воло-

сах Эвариста Лазаревича, нанесённый лично с помощью кисти для бритья. Девяносто шесть человек репетировали озабоченные лица. Сварщику дали очки.

В субботу без пяти семь утра я стоял в лаборатории, потому что там и ночевал, и услышал во дворе звук, который, как я теперь знаю, невозможно спутать ни с чем: двигатель автомобиля УАЗ-452, известного в народе как «буханка», сбрасывающий обороты с лёгким презрением к окружающей среде. Я подошёл к окну. Посреди двора стоял зелёный фургон, а возле фургона мальчик лет двенадцати закрывал водительскую дверь. Я подумал, что кто-то из студентов приехал с сыном. Мальчик обернулся, и у него оказались усы.

На этих усах следует остановиться. Они были серо-стальные, подстриженные с одного края под линейку, и располагались на сухом коричневом лице так, словно занимали его по приказу и держали до подхода основных сил. Сам полковник Богдан Тарасович Непейвода имел в высоту метр шестьдесят четыре сантиметра и весил столько же, сколько вяленая вобла такого размера, если вялить её последовательно в трёх военных округах. На левой руке у него отсутствовали два пальца. Он постоял минуту, осматривая корпус так, как, наверное, сапёр осматривает поле, вошёл в дыру в заборе, даже не наклонившись, и пропал из виду.

Следующие полчаса он в полной тишине обходил спящий институт. Я потом видел его следы: он посмотрел разгородки из плёнки, потрогал её, прочитал стену от начала до конца,

перешагнул через сварщика, который спал в очках, изучил план эвакуации и открыл щиток. Затем дверь лаборатории открылась, причём я не слышал шагов на лестнице, а лестница там такая, что слышно голубя.

— Кто таков? — спросил голос.

Голос был минимум на четыре размера больше владельца. Он как бы прибыл в комнату заранее и уже всё здесь занял.

— Сотых, — сказал я.

— Сколько сотых?

— Это фамилия. Сотых. Филипп.

— Плохая фамилия. — Он прошёл мимо меня к столу, где на каменной плите лежали разложенные плитки, и уставился на них. — Что это?

— Концевые меры длины.

— Зачем?

— Чтобы знать.

— Что знать?

Вопрос был абсолютно законный, и я начал на него отвечать. Я рассказал о том, что такое длина, о шведе, о том, как передаётся размер от эталона к рабочему средству измерения, и об иерархии погрешностей, а затем, поскольку он молчал и смотрел, что я ошибочно принял за интерес, я взял две плитки, притёр и подал ему. Полковник взял их правой рукой, потом переложил в левую, где оставались большой, указательный и мизинец, и потянул. Затем потянул двумя руками. По его шее прошло что-то вроде сокращения каната.

Плитки не разошлись. Он посмотрел на них, потом на меня.

— Магнит?

— Нет.

— Клей?

— Нет.

— А что?

— Точно никто не знает, — сказал я с той радостью, которую не могу и не хочу оправдывать. — Есть три теории.

Он положил плитки на плиту. Усы не шевельнулись. Он оглядел меня с головы до ботинок, не торопясь, задержался на ушах, и я почувствовал, что меня только что обследовали, классифицировали и внесли в какую-то очень старую, очень короткую ведомость.

— Простофиля, — сказал он без всякого выражения, как говорят «суглинок», и вышел.

Не было. — Б. Н.

Ярослава разбудил я. Я никогда не видел, чтобы человек так быстро переходил из лежачего положения в вертикальное, особенно с учётом расстояния. За одиннадцать минут он поднял девяносто шесть студентов, растёр мелом ректора, передвинул занятия на пять часов вперёд, и когда полковник вошёл в большой зал, на ящиках уже сидел весь поток с озабоченными лицами, а Эварист Лазаревич, белый, как гипсовый Ньютон, стоял у куска фанеры с мелом в руке. Плана лекции у него не было. По плану он должен был двадцать минут произносить слова «компетенции» и «глобаль-

ный». Он посмотрел на маленького человека с усами, севшего в первом ряду на ящик и положившего на колени обе руки, неполную и полную. Он посмотрел на девяносто шесть человек. И начал рассказывать, почему в любой достаточно богатой системе правил существуют истинные утверждения, которые нельзя доказать по правилам этой системы.

Я не знаю, как это объяснить тому, кто не видел. Это длилось час. Сварщик снял очки. Девочка из Кохмы шевелила губами. Я тогда впервые понял, что Гёдель это не про математику, а может быть, понял неверно, но помню, что всем стало немного холодно и очень хорошо, и никто не посмотрел на телефон. Когда он положил мел, полковник не двинулся. Потом он встал, отчего почти не стал выше, и подошёл к доске.

— Кто таков?

— Гурвич Эварист Лазаревич. Ректор.

— Что с пальцем?

— Указываю.

— На что?

Палец в тёмно-вишнёвом лаке медленно развернулся и остановился примерно на уровне полковничьей груди. Никто в зале не дышал.

— Ясно, — сказал полковник и повернулся к сыну. — Пойдём, — сказал он, а через плечо добавил, как бы уточняя запись в ведомости: — Эвакуатор Лазаревич.

Он не шутил. Он вообще не шутит, кроме трёх анекдотов,

о которых ниже. Он услышал незнакомое слово, заменил его на знакомое и больше к этому вопросу не возвращался, и так будет продолжаться семь лет, и тот, кто думает, что это мелочь, никогда не пробовал поправить полковника Непейводу.

Я стоял у окна на втором этаже и видел их у фургона: огромного красного сына, сутулившегося так, чтобы лицо было пониже, и маленького отца, который на него не смотрел, а смотрел на забор. Окно было открыто. Голос этот, как я говорил, распространялся без затруднений.

— Институт фальшивый, — сказал полковник.

Ярослав ничего не ответил. Всё, что в нём было, все его два метра шесть, стояло вдруг посреди двора, и этого было некуда девать.

— Забор настоящий. Забор покрасить. Дыру заделать. Кто в охранении?

— Никого, — сказал Ярослав.

— Назначить. Щиток не по нормам. Огнетушители, — он помолчал, — проверить давление. Этот твой лопоухий пусть проверит. Через месяц приеду.

Он сел в фургон, для чего ему пришлось на ступеньку не столько подняться, сколько взойти, и уехал. Ярослав довольно долго стоял и смотрел ему вслед, и лицо у него было такое, какое я потом видел только один раз, в совершенно другом месте. Затем он обернулся, увидел меня в окне, набрал полную грудь, и по двору, по чугунным колоннам и по всей

бывшей фабрике имени Восьмого Марта покатилось:

— СОТКА! ОН НЕ СКАЗАЛ «ЗАКРЫТЬ»!

К четырём утра забор был покрашен.

Институт просуществовал четырнадцать месяцев, и это были, возможно, лучшие четырнадцать месяцев в жизни многих присутствовавших. Всё, что появлялось на стене, кто-нибудь брался преподавать, потому что Ярослав ходил и заставлял: сварщик вёл «Заборы», духовный мальчик разбирал с желающими Канта, и выяснилось, что Канту надо довольно много. Эварист Лазаревич читал всё остальное. Чтобы кормить институт, Ярослав придумал продавать области курсы повышения квалификации по «цифровой трансформации», и область покупала. Я проверял огнетушители, затем весы в окрестных столовых, потом заправку у кольцевой, потому что Нина Фёдоровна считала, что мне пора работать с живым материалом. Я был счастлив, хотя не понимал этого, пока не пересчитал задним числом.

Закончилось всё в областном управлении Рособрнадзора, куда в ноябре следующего года поступил запрос от пенсионного фонда, которому мать одного из наших студентов предъявила справку. Заседание проводил инспектор, прибывший из Москвы, и начало его сохранилось в протоколе, копию которого я храню, поскольку считаю этот документ важным для понимания российской государственности.

Инспектор: Наименование организации.

Непейвода Я. Б.: НИИЧЕГО.

Инспектор: Вы отказываетесь отвечать?

Непейвода Я. Б.: Нет. НИИЧЕГО.

Инспектор: Гражданин, чего — ничего?

Непейвода Я. Б.: Чего — это часть названия. НИИ — и дальше Чего.

Инспектор: НИИ чего?

Непейвода Я. Б.: Да.

Инспектор: Что — да?

Гурвич Э. Л.: Если позволите, ваш вопрос содержит ответ. В этом его главное достоинство.

Инспектор: А вы кто?

Гурвич Э. Л.: Ректор НИИЧЕГО.

Инспектор: Я вас спрашиваю, вы ректор чего?

Гурвич Э. Л.: Совершенно верно.

Перерыв был объявлен через двенадцать минут. Потом дело перешло в суд, где в зале сидело больше половины института, и судья, полная усталая женщина с крашеными рыжими волосами, дала ответчику последнее слово. Я думал, Ярослав будет доказывать. Он встал, ударился головой о плафон, не заметил этого и заговорил совсем негромко. Он говорил, что не имеет лицензии, не имеет аккредитации, не имеет программы и никогда не имел совести, и что всё это чистая правда. Он говорил, что в этом зале сидит девяносто шесть человек, которым все учреждения области написали одно и то же, и что единственное письмо с другим текстом они получили от автоответчика, который он забыл от-

ключить. Он спросил, знает ли суд, что девушка из Кохмы, которая сейчас сидит вон там и которая за первый месяц не произнесла ни одного слова, сейчас пишет код, за который её зовут в Казань. Он спросил, что именно суд хотел бы закрыть. Он говорил одиннадцать минут. Заплакал сварщик, а за ним секретарь суда, а затем и сама судья, не скрываясь, достала платок.

— Суд тронут, — сказала она, высморкавшись. — Институт закрыть.

Каждому из нас выдали справку установленного образца. Она и сейчас лежит у меня в папке с документами, и всякий раз, предъявляя её, я испытываю одно и то же чувство. В ней сказано: «Дана Сотых Ф. А. в том, что он действительно прослушал НИИЧЕГО».

С этой справкой и письмом от Нины Фёдоровны, написанным на бланке предприятия, которого не существовало уже четырнадцать лет, я пришёл в Центр стандартизации и метрологии, где меня взяли учеником поверителя, а потом направили на курсы и в заочный техникум, поскольку старая Нина Фёдоровна, как оказалось, учила в своё время половину тамошнего начальства. В ЦЗЛ я продолжал заходить по четвергам. Эварист Лазаревич вернулся к урокам и к садоводам. А Ярослав, просидев после суда ровно два дня у себя дома, вышел на улицу, вдохнул ивановский воздух, в котором ему почудилось что-то вроде нереализованного текстильного потенциала, и через год занялся влажной туалет-

ной бумагой.

Об этом лучше расскажет человек, которому это стоило одного доллара.

✷0.3

Майя. Доллар

Приложение. Устные показания М. Р. Шариповой. От письменного изложения М. Р. отказалась, сказав, что письменно она изложит мне на лице. Расшифровано с записи дословно. Предложение расставить знаки препинания было отклонено в связи с тем, что я, цитирую, не умею разговаривать. — Ф. С.

Пошла? Красная это, да? Короче.

Бабка моя, Мунира Ахатовна, девяносто один год, метр сорок восемь в валенках, всю жизнь просидела главбухом чёрт-те где, в части какой-то, про которую нельзя пиздеть, подписку дала ещё при Брежневе и так и держит, хотя Брежнев сдох, часть сдохла и страну, на минуточку, закрыли, а она спросишь, баб, ты где работала-то, она поджимает губы, как будто ты у неё пин-код спросил. Живёт в Тагиле, на Вые, район у нас такой, ага, смешно, очень, все уже посмеялись, двое до сих пор на лекарствах. От пенсии у неё остаётся на гречу и на марки, потому что бабка пишет жалобы, это у неё как у других вязание, сядет вечером, очки наденет, и пошла, прокурору города, прокурору области, начальнику станции. Управляющую компанию она довела до того, что у них директор уволился и ушёл в монастырь, я не шучу, в Верхотурье, и там, говорят, ему тоже пришло.

И вот эта бабка. Гвоздь не купит без накладной. Тёте Рае

на похороны мужа дала в долг четыреста рублей и через одиннадцать лет с неё взяла с индексацией. И вот эта бабка в один прекрасный день покупает акции.

Я ей грю, баб, какие акции, ты охренела, а она суёт мне телефон, а там рожа. Такая, знаешь, рожа, как будто по ней всю ночь в хоккей играли, а потом сказали, что она красивая, и она поверила. И рожа эта прям орёт из телефона, ещё и в жилетке, стоит посреди какой-то сраной фабрики и орёт, народное размещение, общество с ограниченной ответственностью «Нежность», влажная туалетная бумага в рулонах, импортозамещение жопы, сограждане, станьте совладельцами национального достояния! Я реально подумала, это пранк какой-то. Минимальный пакет сто долларов. Почему в долларах? А потому что этот долбоёб решил, что так солидней. И бабка моя снимает со сберкнижки, надевает платок, как в последний путь, идёт в обменник на Красноармейской, стоит там в очереди с бандитами, метр сорок восемь, и покупает. Сто долларов, полторы её пенсии, на влажную, блядь, бумагу, из Иванова. Я говорю, баб, ты ж в жизни ни копейки мимо кассы, на кой хер? Она посмотрела на меня вот так вот, поверх очков, как на недостачу, и говорит: «Надо».

И всё. Больше ничего не сказала. Ну надо так надо, ей девяносто лет, может, у неё там уже тоже всё, думаю, ладно.

Запомните эту фразу. — Ф. С.

Ты чё, вписываешься в мои показания? Ты чё, охуел? —

М. Ш.

Бумага ихняя, если вы не в курсе, короче, она не растворялась. Там дело какое, у них в Иванове нетканку делают, ну, полотно такое, на тряпки, на мешки. И этот гений взял нетканку, намочил какой-то химией с запахом ромашки и намотал на втулку. Прочная, сука, влажная. Вещь. Ею можно было палатку крепить. Я потом одним таким рулоном на сборах колено бинтовала, две недели держало. И вот люди на Рабочем посёлке, три дома, которые поверили и закупились, пенсионеры, патриоты, поспускали всё это в унитаз, ну и оно там встало. Оно там встало, и там, грят, ещё и разбухло, и зацвело, и в феврале, в крещенские морозы, в девятиэтажке выбило стояк на третьем этаже. Всё, что копилось с октября, понимаешь, всё общество с ограниченной ответственностью, вышло на свободу. Телевизор приезжал. Там дед один ходил по двору с рулоном на палке, как с хоругвью, и кричал, что это диверсия. У него потом интервью брали, в тапках. Бабка мне это видео прислала без комментариев.

Обанкротились они за полгода. Ну и вот теперь внимание. Вот то, что надо понимать про этого человека, вот это самое мерзкое. Он деньги вернул.

Всем. Продал что было, станки продал, машину продал, отцовскую какую-то хрень из гаража продал, за что отец с ним потом полгода разговаривал только запиской, вышел в прямой эфир с той же рожей и объявил, что ООО «Нежность» в процессе банкротства возвращает инвесторам де-

вяносто девять центов с каждого доллара. Это, грит, абсолютный рекорд в истории российских банкротств! Ни одна скотина никогда столько не возвращала! И ведь правда, вот что самое обидное, правда рекорд. Ему чуть ли не грамоту выписали. Пенсионеры письма писали, спасибо, сынок. В каком-то журнале статью про него дали, «Честный дерьмовщик», чё-то такое, с фотографией.

«Этика банкротства: кейс Непейводы». «Форбс». Девяносто девять центов на доллар действительно рекорд. Проверьте. — Я. Н.

Проверил. Рекорд, если считать только компании, у которых в момент банкротства было что продавать. — Ф. С.

А бабке моей пришло на карту девяносто девять долларов в рублях по курсу. И бабка моя посмотрела на это, сняла очки, протёрла, надела. И написала первую жалобу.

Ей не надо девяносто девять. Понял? Ей надо сто.

Она написала в прокуратуру. В Центробанк, в службу по защите прав. В Роспотребнадзор. В Счётную палату написала и указала там им на ошибку в годовом отчёте, в другом вообще месте, просто заодно. Написала в ФСБ, что считает сокрытие одного доллара признаком. Написала в ООН и Папе Римскому, потому что там, грит, бухгалтерия с тринадцатого века без единой проводки мимо, эти поймут. И ты думаешь, это смешно, да, Калькулятор, вот ты сидишь такой, уши как у чашки, улыбаешься? А у нас так устроено, что ес-

ли бумажка пришла, на неё должны ответить, а если ответили, надо зарегистрировать, а если одну и ту же бумажку зарегистрировали в сорока местах, то кто-то в сорок первом месте говорит: а чё это там за Непейвода у вас, на которого сигналы? И вот поехали к этому долбоёбу проверки. Налоговая, пожарные. Какой-то тихий мужик из Москвы, который просто сидел в углу и ел яблоко. И всё, и теперь он под колпаком у всей страны, из-за одного, блядь, доллара. Девяносто девять он отдал как герой, а на сотом бабка подняла его на федеральный уровень.

Я тогда в Тагиле была, как раз с суток вышла. Меня закрыли за полигон, у нас полигон хотели делать на Гальянке, мусорный, из самой Москвы везти, ну я и пошла, сами понимаете. Какие это были сутки? Десятые, что ли. Я ж борюсь. С чем, спрашивают? Ну, а чё есть? Выхожу, пахну, как все, а мне звонит бабка, и говорит таким голосом, ровным, как будто ведомость читает:

— Майя. У него мой доллар.

Я говорю, баб, ну давай я тебе дам доллар, господи.

— Мне не нужен доллар, — грит. — Мне нужен его доллар.

Ну и что вы думаете. Я поехала. Плацкарт, двое суток. Я ещё в Перми на перроне одному объяснила кой-чего, но это другая история, он там сам виноват. Приезжаю, Иваново ваше, ну вы и дыра, конечно, прости господи, всё красное, и бабы ходят такие, как будто их всех в один день бросил один

и тот же мужик. Нахожу этот бизнес-центр в бывшей фабрике, у него там третий этаж, секретарша вся в фикусах. Какая у него секретарша, он банкрот? А он уже новую контору открыл, он по-другому не умеет, это как, знаешь, у ящерицы хвост. Я мимо фикусов прохожу, она чё-то там пищит, открываю дверь. Стоит.

Ну, рост я видела, по телефону тоже видно, но ты понимаешь, когда вживую. Два метра шесть. Я метр шестьдесят. Я вижу у него пупок, он в жилетке этой своей, в феврале, стоит, рисует на стекле маркером какие-то стрелочки, пар идёт арбузный. И вот если кто физику не учил, так я тебе объясню, я физику знаю лучше, чем ты, Калькулятор, потому что я её с десяти лет на ковре учу, в Тагиле, у Равиля Фаритовича, который трёх олимпийских чемпионов воспитал и всех трёх бил палкой. Чем выше шкаф, тем дальше у него центр тяжести, и тем меньше он понимает, что с ним уже всё.

Я говорю: ты Непейвода?

Он поворачивается. Смотрит вниз. Как будто лифт приехал. И грит, с интересом так: а вы от кого?

Я говорю: за долларом.

И он, сука, сразу понял. Вот что я тебе скажу, вот этого не отнимешь. Секунды не думал. Такой: Шарипова? Внучка? Я, говорит, все письма читаю, это лучшая проза, которая у нас в стране есть. Передайте бабушке моё глубочайшее уважение. Я говорю: доллар. А он мне: нет.

Прям вот так: нет, не отдам. Он, грит, объясню. Девяно-

сто девять центов на доллар это рекорд, а сто это норма. Понимаете? На рекорд ко мне люди идут, а на норму никто не придёт. Если я отдам вашей бабушке доллар, я человек, который вернул всем всё, просто честный лох. А так я тот самый Непейвода. У меня, грит, капитализация на этом проценте. Я, грит, готов бабушке подарить сто долларов, тысячу, вот, возьмите. А вернуть доллар нет, не могу.

И лезет во внутренний карман.

Ну и вот тут я прошла ему в ноги.

Это, ребят, красиво было, я вам скажу. Жалко, никто не снимал. Он даже руку из кармана достать не успел. Проход в две ноги, подсед, он идёт вверх, как шлагбаум, вес у него весь наверху, и я его через бедро, с поворотом, прямо в стол. А стол стеклянный, а на столе макет какой-то сраной фабрики, с деревьями, с человечками. И вот лежит это всё. Два метра шесть, на полу, в стекле, в ромашке, потому что там у него ещё образцы стояли, в человечках. Фикусная в дверях визжит. Он лежит, смотрит в потолок и не двигается, ну думаю всё, посадят, ещё и за дурака. И тут он начинает смеяться. Причём на вдох, знаешь, как будто его пылесосом всасывает обратно. Лежит и всасывается. И говорит в потолок:

— Лучшая презентация за весь год. Сколько вы возьмёте за то, чтобы сделать это на совете директоров?

Нос я ему сломала отдельно. Когда он встал. Спокойно, без горячки, чтоб понимал, что это не эмоции, а процедура. С носом он вообще обрадовался. Говорит, у него, оказыва-

ется, у сестры такой же, это у них теперь семейное. Сестру его он сам в одиннадцать лет клюшкой уработал, а она потом ему три зуба выбила, и зубы вставные, кстати, ты про зубы написал? Напиши. Девять из десяти людей думают, что это у него своя такая улыбка, а это стоматолог из Шуи.

Ну и потом он пошёл обедать, потому что у него, блядь, обед по расписанию, и меня с собой повёл. Шаурма на Рабочем посёлке, том самом, там ещё запах стоял. Сидит с ватой в обеих ноздрях, дышит ртом, жрёт, кровь капает на жилет, и спрашивает: а что там у вас за полигон? Я говорю, тебе-то чё? А он такой: сколько вас там, сорок? С лопатами? И нет юриста, и нет денег, и каждую неделю вас по одному забирают, и вы типа герои? Это не кейс, это хоспис. И берёт мою салфетку, и начинает рисовать, и через сорок минут я смотрю, а там уже нарисовано, кто что подаёт, в какой суд, кто в какой день стоит, кто снимает, кто в Москву едет, кто в «Спутник» звонит и кому там надо заплатить, и на какой срок, и сколько человек нужно, чтоб не сорок, а четыреста, и как сделать, чтоб им вообще было прикольно приходить. Я говорю, ты мудак, это не про то. Он говорит, да. Дальше считать?

Полигон закрыли через пять месяцев. Сука. Я, значит, четыре года за него сидела.

А чё дальше, не твоё дело, что дальше. Три года уже. Доллар он мне так и не отдал. Я раз в месяц ему напоминаю, вот, первого числа. Подхожу и говорю: доллар. Он говорит: нет.

Бабка пишет, дело идёт, номер у неё уже четырнадцать сотен с чем-то. Это он думает, что если отдаст, мне незачем будет тут быть. Я ему не объясняла. И ты не объясняй. И вообще, если записать хочешь, что это у нас, то это не отношения. Это взыскание.

С Эвакуатором я потом познакомилась, ну, с профессором, он у них как домашнее животное. Первым делом спросил, понимаю ли я, что «мельница» и «бросок через бедро» это разные классы эквивалентности. Я ему сказала, иди сюда, покажу. С тех пор здороваемся. С папашей ихним мы друг друга, можно сказать, уважаем: у него два пальца нет, у меня, значит, ухо. Он на меня как-то посмотрел за столом и говорит, спортивная подготовка удовлетворительная, и больше ни слова за три года, и это, между прочим, больше, чем он своему сыну сказал за всю жизнь. Сестра нормальная. Сестра вообще единственная нормальная, и то потому, что её дома никогда не бывает. А ты, Калькулятор, вот что, ты сидишь, пишешь и думаешь, раз ты тут такой с микрофоном, ты теперь самый умный, а у тебя над губой вот сейчас пот. Это ты к главе про сестру его готовишься, да? Я прям вижу. Ты напиши, напиши, как ты ей два года барометр проверял, пусть люди посмеются. Вся часть в курсе была, один ты таблицу вёл.

Ухо не пиши. Я сказала, ухо не пиши. Знаю я, как ты пишешь: «левое ухо, сломанное борьбой, напоминало цветную капусту». Попробуй. Ага. Вот напиши. Я посмотрю. Про это-

го пиши сколько хочешь, про бабку пиши, а что у меня там в ухе и в голове, это не твоё собачье… Так. Выключи. Выключи, я кому говорю, у тебя красное горит, ты чё, совсем, Кальку…

[Запись прервана. Описание уха см. #1.04. Автор этой главы о нём не предупреждён. — Ф. С.]

Предупреждена. — М. Ш.

✷0.4

Подтвердите

Всё на свете показывает неправильно. Это первое, что узнаёт поверитель, и после этого узнавать ему, в сущности, больше нечего.

До 2019 года в подвале под Парижем, в Севре, под тремя стеклянными колпаками лежал цилиндрик платино-иридиевого сплава размером с рюмочку, и это был килограмм. Не эталон килограмма, а именно он сам: всё остальное, что на Земле весило килограмм, включая картошку, весило его только потому, что с ним можно было сравнить, через цепочку копий, копий с копий и весов в рыбном отделе. Раз в несколько десятилетий его доставали, мыли особой замшей и сверяли с шестью копиями-свидетельницами, и вот к концу двадцатого века обнаружилось, что он расходится с ними на пятьдесят миллионных долей грамма. Либо он похудел, либо все они поправились, а установить это было невозможно в принципе, поскольку килограмм по определению весил ровно килограмм, что бы с ним ни происходило. Сто тридцать лет человечество взвешивало всё, что у него было, по предмету, который незаметно для всех менялся, и узнало об этом только потому, что несколько очень скучных людей продолжали проверять.

Я считаю это самой волнующей историей из всех мне известных, и по этой причине меня редко зовут в гости.

В Центр стандартизации и метрологии меня взяли в двадцать лет, а к двадцати трём я был уже поверителем с собственным клеймом, что звучит гораздо лучше, чем выглядит. Клеймо у меня небольшое. Поверитель приходит на рынок, на заправку, в аптеку, на элеватор, в пункт приёма металла. Он ставит образцовую гирю на весы и смотрит. Колонка на сорокалитровом проливе должна давать сорок литров плюс-минус сто миллилитров, и когда я говорю тебе, что она даёт тридцать девять и четыре десятых, я не обвиняю тебя, Аркадий Самвелович, я всего лишь указываю на то, что между твоей колонкой и городом Севром существует расхождение, и мне очень жаль. Поверитель это последний в стране человек, который приходит куда-нибудь и спрашивает: на сколько это врёт? А ему отвечают: а ты на сколько? И это, между прочим, правильный вопрос, и ответ на него у меня есть: он указан в паспорте на мои гири. За три года меня били дважды, оба раза рыбой. В первый раз лещом, на Центральном рынке, за весы с магнитиком. Во второй раз мороженой горбушей, и я вам скажу, что это совершенно другая школа.

Лещ подтверждается, я забирала его из травмпункта. Горбушу не видела. — М. Ш.

В апреле нас направили на аэродром Иваново-Южный, на плановую поверку контрольного барометра в диспетчерской. Самолётов в Иваново прилетает столько, что расписание легко запоминается, а по средам его можно и вовсе произнести

вслух на одном выдохе; здание аэровокзала стоит посреди мокрого поля с таким видом, будто ждёт кого-то, кто обещал и, скорее всего, не приедет. В вышку вела винтовая лестница, сорок восемь ступеней, с люком наверху. Я поднимался с чемоданчиком образцового прибора, и на тридцать первой ступени услышал через приоткрытый люк голос.

— Четыре шесть пять два ноль, Иваново-Вышка. Давление семьсот сорок восемь. Ветер двести десять, шесть метров. Посадку разрешаю.

Шипение, мужской хрип с той стороны, что-то неразборчиво повторивший.

— Подтвердите давление.

Я остановился. Я понимаю, что в этом месте полагается описать что-то вроде удара, но удара не было, а было ощущение, какое бывает при первом взгляде на хорошо сделанную шкалу. В этом голосе не было ни единого прилагательного. Я понимаю, что их и в тексте не было, это стандартная радиотелефонная фразеология, но я имею в виду голос: он не сообщал ничего сверх сообщаемого. Я, кажется, до сих пор не встречал человека, который бы говорил и при этом ничего ни от кого не хотел, кроме того, чтобы было правильно. Он был не низкий и не высокий, не ласковый и не строгий, и был настолько точно равен самому себе, что вся моя жизнь, все комиссии, все «молодой человек» и «Филя, а зачем» вдруг выстроились в памяти как сплошной шум на линии. Хрип повторил давление. Голос сказал: «Правильно». И тут я по-

нял, что готов стоять на этой ступеньке, сколько потребуется, а чемоданчик, между прочим, весил одиннадцать килограммов.

Простоял я восемь минут, пока самолёт садился. Потом открыл люк.

Комната наверху была стеклянная со всех четырёх сторон и наполнена белым апрельским светом, как аквариум молоком. Спиной ко мне, у пульта, стояла женщина, которая смотрела на полосу в бинокль, а в углу рта держала спичку. Она была невысокая, но стояла так прямо, что это понимаешь не сразу: не так, как стоят военные, а так, как идут с полным до краёв стаканом. Волосы у неё были медные, очень тяжёлые, и собраны на затылке в такой тугой узел, что он держался на двух простых карандашах, и я, помню, перестал думать про барометр и начал думать о том, какую нагрузку выдерживает один карандаш.

— Вы кто? — спросила она, не оборачиваясь.

— Поверитель, — сказал я.

— Ожидайте.

Я ожидал. Самолёт на поле докатился, развернулся и встал. Она сказала в микрофон ещё две фразы, записала что-то в журнал, переложила спичку в другой угол рта и наконец обернулась, и теперь мне надо описать её лицо.

Я пытался сделать это несколько раз, и для этой цели даже завёл отдельную страницу. У неё был сломанный нос, сросшийся с небольшим отклонением влево, примерно в три гра-

дуса. Кожа была очень светлая, из тех, на которых видно всё, кроме выражения. Глаза были тёмные, почти чёрные, без заметной границы между радужкой и зрачком, так что я не мог определить, куда именно она смотрит, и мне казалось, что немного левее меня. Смотрели они так, как прибор смотрит на измеряемую величину, то есть без всякого мнения о ней. Сама по себе каждая деталь была, если так можно сказать, отклонением от нормы, и я мог бы указать для каждой величину отклонения. Но все вместе они давали что-то такое, для чего у меня нет ни единиц, ни шкалы, ни, как я немедленно понял, допуска к работе. Представьте себе идеальное лицо, которое кто-то сначала сделал, а потом ещё и правильно испортил. Шкала у меня на этом месте кончается. На такую женщину нужен государственный первичный эталон, а я, в лучшем случае, рабочее средство измерения третьего разряда.

Мне полагалось что-нибудь сказать. Я сказал то, что говорю в подобных случаях:

— Мне нужен ваш барометр.

Пауза длилась четыре секунды, что на три с половиной секунды превышает норму для этого типа пауз. Она показала спичкой на стену. Потом, не глядя, отломила от связки сушек, висевшей на пульте рядом с микрофоном, одну и протянула мне через плечо, как передают на вышке бланк. Сушка была с маком. Я взял её и держал в левой руке всю поверку, поскольку положить её на прибор не мог, а съесть при

исполнении не считал возможным. Я подошёл к барометру, раскрыл чемоданчик и, поскольку перед глазами у меня наконец оказалось что-то понятное, через двадцать минут закончил. Прибор завышал. Все метрологические службы знают, что такие приборы ведут себя смирно года полтора, потом начинают тихонько уходить вбок, а поскольку показывают они неизменно уверенно, им верят. Я перепроверил, потом снова перепроверил, и обернулся.

— Он врёт на ноль целых четыре гектопаскаля.

Она вынула спичку изо рта.

— Это сколько в метрах?

— На этой высоте примерно три с небольшим.

Теперь в стеклянной комнате стало очень тихо. Я тогда ещё не понимал, что я сейчас сказал. Я-то считал, что сообщил о выходе средства измерения за пределы допуска, а сообщил, оказывается, что полгода подряд все самолёты, садившиеся в Иваново, считали землю на три метра ближе или дальше, чем она есть, и что последний из них сел вот только что, у меня на глазах, под этот голос.

— Насколько вы уверены? — спросила она тихо, не эфирным голосом.

— Плюс-минус ноль целых одна.

Она посмотрела на меня ещё секунду. Потом сняла трубку.

— Смена, Непейвода. Контрольный барометр вывожу из работы. Давление беру с резервного и с метеостанции, раз-

ница ноль-четыре, прошу записать. — В трубке кто-то заговорил громко и с чувством; я расслышал «полгода», «комиссию», «ты чё, Варя» и «мало ли что он сказал». Она выслушала, глядя на полосу. — Он сказал на сколько, — произнесла она и положила трубку.

Я начал складывать прибор. Руки у меня, к счастью, знают свою работу без моего участия. Когда я закрыл чемоданчик, она стояла передо мной совсем близко, я почувствовал запах серы и какого-то очень простого мыла, и смотрела с выражением, которое я тогда определил как глубокое и обоснованное неудовольствие.

— Вы сейчас сказали, на сколько можете ошибаться.

— Это обязательная часть результата, — сказал я. — Без неё это не результат, а мнение.

— Первый раз вижу.

Я не знал, что на это ответить, поэтому молчал, и это, как я позже установил, был единственный правильный ход за весь день.

— Фамилия.

— Сотых.

Здесь обычно смеются. Смеялись учителя, смеялись в военкомате, смеялся стоматолог с руками у меня во рту. Она не засмеялась. Даже бровь не шевельнулась. Только по шее, от воротника вверх, медленно пошли два неровных красных пятна, и я подумал, что у неё, вероятно, аллергия на что-то в моём чемоданчике.

— Варвара Непейвода, — сказала она. И потом, увидев, очевидно, как у меня на лице производится вычисление: — Сестра. Вы тот, из Чего.

— Из НИИЧЕГО.

— И чему вас там научили?

— Я сам написал, — сказал я, что было самым идиотским ответом, какой только можно придумать, и, как ни странно, совершенно точным.

Бровь чуть-чуть поднялась, примерно на полтора миллиметра. Я выписал свидетельство о непригодности и попросил расписаться. Она расписалась, не читая, причём я заметил, что потом перечитала. Я уже спускался, я был уже на своих сорока восьми ступенях и нащупывал ногой первую, когда голос прибыл вслед за мной через люк, тот самый, без единого прилагательного:

— Когда следующая поверка?

— Через год, как положено, на новый барометр. Интервал двенадцать месяцев.

— Мне через шесть.

— Это не требуется. У вас будет новый прибор, его…

— Я требую. Подтвердите.

— Подтверждаю, — сказал я.

Сушку я съел на тридцать первой ступени. Спускаясь, я размышлял о том, какая это редкость в наше время: такое ответственное отношение к средствам измерения.

Идиот. — Э. Г.

Подтверждаю. — В. Н.

За следующие два года я поднимался на эту вышку ещё четыре раза. Я веду учёт по секундомеру: за все эти встречи Варвара Богдановна Непейвода разговаривала со мной в общей сложности шесть минут сорок секунд, из которых около двух минут ушло на числительные. В третий раз, когда я заканчивал с барометром, она сняла с руки часы, старые командирские, положила их передо мной и спросила, могу ли я проверить ход. Часы не относятся к средствам измерения, подлежащим обязательной поверке, и я уведомил её об этом, и всё равно два дня гонял их по сигналам точного времени и написал ей результат на отдельном бланке: плюс две секунды в сутки. Я подписал и поставил клеймо, хотя не имел права. Она посмотрела на бланк довольно долго, сказала: «Вас поняла», и убрала его куда-то, а я вышел на мокрое поле и думал: вот и всё, вот сейчас она поняла, с кем имеет дело, раз ему можно поручить часы.

Я не был настолько глуп, чтобы надеяться. Надежда это оценка без указания погрешности. Я вёл таблицу. На основании всех доступных данных (наблюдаемая красота объекта, многократно превышающая мою; наличие у объекта брата в два метра шесть и отца без двух пальцев; полное отсутствие со стороны объекта каких-либо признаков заинтересованности, кроме профессиональной; мои уши) вероятность взаимности оценивалась в 0,003 с погрешностью 0,002, причём к концу второго года я стал склоняться к тому, что завысил.

Я не пытался её изменить. Человек не обязан что-то предпринимать по поводу килограмма в Севре: достаточно знать, что он где-то есть, под тремя колпаками, и что всё остальное в мире измеряется относительно него. Я понимаю, как это звучит. Эварист Лазаревич уже объяснил мне.

Дружба с Ярославом всё это время продолжалась и состояла в том, что он звонил мне в любое время суток, начиная со слов «Сотка, кейс», и я потом две недели паял ему что-нибудь, что потом приносило ему деньги, а мне ощущение, что я где-то потерял знак. Он прекрасно всё про меня знал и однажды, увидев на моём столе свидетельство с её подписью, которое я забыл убрать, только посмотрел, вдохнул арбуза и сказал:

— Сотка, ты на мою сестру смотришь так, как будто она сейчас упадёт с полки. Не упадёт. Там полка такая.

И вот в феврале этого года, за полгода до всего, что описано ниже, он заехал в ЦСМ, просунулся в дверь по частям и сообщил, что я приглашён в воскресенье на обед. Я решил, что не расслышал. Он сказал, что отец хочет посмотреть на меня ещё раз, что отец меня помнит, поскольку отец всех помнит, что за столом будет рулька и бабка, что мне полезно, и что, кстати, Варька тоже будет, если её не поставят на смену.

— Вопросы?

Вопрос у меня был, но я уже стоял возле стола, и проверял пальцем, хорошо ли у меня застёгнут чехол штангенциркуля,

и на это, как я теперь вижу, ушло всё моё внимание, так что вслух я задал совершенно другой:

— Что значит «посмотреть ещё раз»?

✸0.5

Варя. Плюс-минус

Приложение. Записки В. Б. Непейводы. Велись на ночных дежурствах в служебной тетради, в графах, предназначенных для другого. Тетрадь передана мне без комментариев в ноябре, правок я не вносил. Датировка по оригиналу. — Ф. С.

Дежурство 14 февраля. 02:10. Трафика нет до 07:40.

Брат сообщил, что позвал его в воскресенье на обед по распоряжению отца. Отец ничего не делает без причины, и я знаю, какая тут причина: он видел в журнале вышки, что поверитель приезжает к нам раз в полгода при межповерочном интервале в двенадцать месяцев, а журнал вышки отец читать не должен, но он читает всё. Значит, у меня до воскресенья четверо суток, чтобы привести в порядок то, что я об этом думаю. Занимаюсь этим здесь, потому что здесь никто не мешает и есть графы.

Записываю только подтверждённое.

В апреле позапрошлого года я вела борт на посадку и услышала, как на лестнице кто-то встал на тридцать первую ступень. Она скрипит левым краем; я поднималась по ней больше шестисот раз и слышу её так, как слышат посторонний сигнал на своей частоте. Человек с тяжёлым предметом встал на неё и восемь минут не двигался. Я вела борт и держала это в голове отдельной строкой: либо у человека плохо с сердцем, либо он слушает. За три года в авиации меня

никто не слушал дольше, чем требовалось для повторения давления.

Скрипит правым краем. — Ф. С.

Левым. Подняться и проверить можете в любое время. — В. Н.

Теперь о том, что мне надо учесть. Я знаю, как выгляжу, и это не самомнение, а данные, накопленные за много лет и подтверждённые независимыми наблюдателями, некоторые из которых при этом врезались в столб. Мужчины подходят ко мне с заготовленной фразой, и фразы бывают трёх типов: про глаза, про нос («он вас совсем не портит») и, когда узнают профессию, про то, как они летели в Анталью и была турбулентность. За всё время никто не спросил меня, как устроена зона ожидания. Они разговаривают с фасадом, причём уверенно и с удовольствием, а за фасадом в этот момент сижу я, которая боится голубей.

Записываю и это. Боюсь птиц, всех, а голубей особенно, с тех пор как на практике в Ульяновске видела двигатель после чайки. В прошлую среду на полосе ходил грач, и по инструкции я обязана была вызвать службу орнитологии, которая состоит из дяди Коли с ракетницей, а дядя Коля спал, и я двадцать минут смотрела на этого грача в бинокль с таким чувством, с каким другие смотрят на незнакомца с топором в тёмном подъезде. Далее. Я сажаю самолёты при нижней кромке шестьдесят метров, а экзамен на права завалила четыре раза, на параллельной парковке. Инструктор сказал:

«Девушка, ну куда вы смотрите?» Я смотрела вверх. Далее: рекламу корма для собак смотреть не могу, там старая собака и мальчик, вы знаете, какая реклама. Далее: я знаю наизусть всё, что пели в девяностые, каждую группу, все слова, и если об этом узнает брат, мне придётся уволиться и сменить фамилию.

Спичку я грызу с девятнадцати лет. Я никогда не курила. Спичка нужна для того, чтобы рот был занят, когда я думаю то, что думаю.

И последнее, самое неприятное. Лицо я держу. Шею нет. С детства, стоит мне по-настоящему разволноваться, по ней от воротника вверх идут красные пятна, неровные, как на карте погоды, и это не лечится и не тренируется. На вышке это никому не видно. Он видел дважды и, кажется, считает, что у меня аллергия.

Теперь про него. Мой отец за всю жизнь ни разу не сказал, что он в чём-то не уверен. Мой брат говорит, что уверен, в те самые минуты, когда точно знает, что нет, и у него за это есть статья в «Форбсе». Все остальные, кого я видела, находятся между этими двумя точками. В нашей работе человека, который уверен, боятся больше всего: все плохие истории в наших разборах начинаются с того, что кто-то был уверен. В апреле позапрошлого года человек с ушами стоял у меня на вышке и сказал: «Плюс-минус ноль целых одна». Я спросила, сколько это в метрах. Он сказал. Потом, когда смена на меня орала, он складывал прибор и даже не обернулся,

потому что всё, что он мог сказать, он уже сказал, и указал, в каких пределах это верно. Я выразить это не могу, поэтому записываю показания: я тогда измерила себе пульс по командирским. Девяносто шесть при норме шестьдесят два.

Запросить следующую поверку через шесть месяцев было первое, что я придумала. Это грубо, но законно. Часы были на третий раз. Теперь у меня кончаются приборы: на следующий раз остаётся манометр в кислородной системе, и я не знаю, как объяснить смене, почему он должен приехать к манометру. Его свидетельства лежат у меня в тетради между страницами. Там четыре бланка, а пятый будет в апреле. Он пишет «годен» так, как другие пишут письма.

За всё это время он проговорил со мной, наверное, минут сорок, и большая часть была про гектопаскали. Он называет меня Варвара Богдановна и смотрит чуть левее моего лица, примерно туда, где у меня нос отклоняется, как будто проверяет. Я предполагаю, что я для него объект поверки, но с этим я могла бы работать. Проблема в другом. Ему двадцать пять, он пять лет ходит по рынкам, к нему там подходят женщины, я сама видела, как на него смотрела одна на Центральном, хотя она смотрела скорее с лещом. Он, безусловно, знает, что делается дальше. А я знаю это из литературы и из одного советского пособия для медицинских сестёр. На третьем курсе в Ульяновске меня попытался поцеловать штурман, не спросив разрешения. Ему наложили два шва, и после этого информация распространилась, и больше

никто не пытался. Я это говорю к тому, что, если до этого дойдёт, будет сразу видно, что я не знаю, а я не люблю, когда видно, что я не знаю.

И ещё одно соображение, профессиональное. Вся моя подготовка, четыре года и два тренажёра, направлена на то, чтобы два объекта ни при каких условиях не оказались в одной точке. Я умею это лучше почти всех в стране. Десять километров по горизонтали, триста метров по вертикали, и если они начинают сближаться, я обязана вмешаться, а если не вмешаюсь, меня будут судить. Как действовать в обратном случае, в Ульяновске не объясняли.

03:30. Звонил Э., у него сейчас разгар дня: он воюет на своём форуме с каким-то садоводом и прервался на чай. Я ему сказала про воскресенье. Он сказал, что сформулировал лемму. Лемма: я влюблена в человека, который считает меня эталоном. Следствие: он ко мне никогда не прикоснётся, потому что эталоны руками не трогают, от тепла рук происходит линейное расширение. Я спросила, откуда он это взял. Он сказал, что сам Филипп полтора часа объяснял ему это про стальные плитки у себя на работе, и что, судя по лицу, говорил он не о плитках. Я сказала: «Вас поняла, отказ». Он сказал, что доказательство остаётся в силе независимо от моего согласия, и в этом главное отличие математики от меня.

05:15. Рассвет будет в 08:10. Запросила на воскресенье выходной. Смена подтвердила.

Надену зелёное, оно у меня одно. Майя по телефону ска-

зала: «Губы накрась, он же у тебя слепой». Он не слепой. Он смотрит левее. Накрашу на два тона, больше не умею.

Отец спросит, кто это. Надо решить заранее, что я отвечу, и ответить коротко.

✸0.6

Номер один, номер два, номер три

В воскресенье я был на месте в тринадцать сорок, то есть на двадцать минут раньше назначенного, и эти двадцать минут ходил вдоль чужого забора в единственном своём приличном пиджаке, поскольку прийти раньше времени было невежливо, а прийти ровно в срок, как я понимал, можно только в том случае, если за минуту до этого стоишь уже у калитки. Дом Непейвод стоял на краю гарнизона в Северном, двухэтажный, кирпичный, с гаражом на две буханки, в котором была одна, и с участком, где снег лежал так ровно, что я заподозрил применение правила. Прямо над крышей каждые сорок минут проходил на посадку самолёт дальнего обнаружения с огромной тарелкой на спине, отчего дрожала посуда, а жильцы, как я вскоре заметил, просто на три секунды прерывали фразу и потом продолжали её с того же слога.

Дверь открыла женщина в спортивном костюме цвета фуксии. На шее у неё, в собственном доме, в воскресенье, висел свисток.

— Филипп? — закричала она так радостно, будто мы с ней вместе пережили наводнение. — Обувь сюда, руки там, ешь всё, не бойся, он не кусается, у него просто такое лицо! Регина Аркадьевна! Двадцать девять лет физкультуры в сорок третьей школе, я таких, как ты, через козла перекидывала! Это кто тебе пиджак выбирал?

Отвечать на это было не нужно, и за следующие месяцы я убедился, что отвечать Регине Аркадьевне вообще не нужно, поскольку она и так всё про всех знает и всем довольна. Она втолкнула меня в большую комнату, и тут я понял, что с этой комнатой что-то не так, но не сразу понял, что именно. Я вообще хорошо чувствую, когда в помещении нарушена какая-нибудь размерность. Стол был накрыт на восемь персон, и столешница находилась на высоте примерно шестидесяти трёх сантиметров от пола вместо положенных семидесяти пяти. Ножки были отпилены, причём ровно, давно и по одной мерке. Во главе этого стола, совершенно в него вписываясь, сидел полковник Непейвода, а вокруг него располагалась его семья: на обычных стульях, с коленями у подбородка, и всем им, по-видимому, и в голову не приходило поинтересоваться.

Ярослав сидел напротив отца, и стол лежал у него на коленях, как поднос. Рядом с ним, уже с полным ртом, ела невысокая широкоплечая девушка с выбеленным ёжиком, про которую я тогда знал только то, что она сломала ему нос. Она посмотрела на меня, не переставая жевать, с высоты большого опыта.

— Это чё, — сказала она Ярославу, — калькулятор твой?

Эварист Лазаревич был сложен втрое на стуле у окна и приветственно приподнял палец. Цвет на этот раз был мокрый асфальт. Я потянул свободный стул, сел и немедленно упал, вернее, стул подо мной сложился на правую заднюю, и

какое-то время я рассматривал снизу устройство столешницы. Ярослав уже всасывал воздух со свистом, так что посуда, кажется, пришла в движение и без самолёта. Я поднял отвалившуюся ножку и посмотрел на срез. Она была подпилена на две трети, под углом, с очень небольшим заусенцем.

— Очень аккуратно, — сказал я совершенно искренне. — Чем это, ножовкой по металлу?

Смех прекратился. Ярослав посмотрел на меня с выражением, которого я у него раньше не видел, и которое можно было бы назвать разочарованием автора в зрителе, а Майя перестала жевать и сказала: «Не, ну он реально калькулятор». Мне принесли табуретку. Полковник за всё это время не повёл ни одним усом, и только когда я наконец уселся, перевёл на меня глаза и подержал их там несколько секунд. Я не могу сказать, что это был взгляд. Это была проверка на наличие.

Перед обедом мне велели поздороваться с бабушкой, и я огляделся в поисках бабушки. В углу у телевизора стояло кресло, на которое кто-то сложил кучу старых вязаных вещей. Я ещё подумал, что надо будет как-нибудь спросить, почему их не уберут, и тут куча повернула голову.

Зинаида Кузьминична в тот год была уже на шестом десятке своей старости, если считать, что старость наступает в сорок. Лицо её находилось в пятнадцати сантиметрах от экрана и состояло из коры. Я видел такие пни в лесу под Шуей: они уже давно никому и ничего не должны, но сквозь них

ещё что-то прорастает, и туда лучше не наступать. Она не слышала с две тысячи одиннадцатого года и видела только свет и тень, но телевизор у неё работал весь день без звука, и она к нему наклонялась.

— ЗИНАИДА КУЗЬМИНИЧНА! — заорала Регина Аркадьевна ей в ухо. — ЭТО ФИЛИПП! ДРУГ ЯРИКА! — И сообщила мне нормальным голосом: — Она не слышит. Это мы из уважения. Бухгалтером в рыбкоопе была, в Аральске, тридцать шесть лет, с рыбой всю жизнь. Ты подойди, она любит, чтоб подходили.

Я подошёл и наклонился, не зная, что с этим делать. Из вязаных вещей высунулась рука, очень маленькая и очень твёрдая, и ухватила меня за лацкан. Большой палец прошёлся по ткани туда и обратно, медленно, как проходит по купюре кассир. Пальцы переместились под воротник, что-то там нашли, задержались.

— Полушерсть, — сказал пень. Голос шёл издалека и был совершенно ровный, без всякого выражения. — Иваново. Второй сорт. Брак по утку.

Рука убралась. Куча снова повернулась к экрану, а я стоял и чувствовал себя так, как, наверное, чувствует себя мешок на приёмке.

Дома я потом проверил под лупой. Под воротником, в трёх сантиметрах от шва, действительно шёл пропуск уточной нити длиной в полтора сантиметра, который я сам за четыре года не заметил. Бухгалтер рыбкоопа, слепая и глухая,

определила на ощупь состав, производителя, сорт и дефект. Я подумал, что это очень странно, занёс это в файл и больше к этому не возвращался, что характеризует меня как специалиста гораздо лучше, чем моё клеймо.

Руки меня послали мыть в уборную на первом этаже. Там на держателе висел обычный рулон, а рядом на вбитом в стену гвозде стопка газетных квадратов, и я заметил, что их углы совпадают, как в колоде. Я не мог не посмотреть. Я вынул из чехла штангенциркуль и снял три случайных образца: двенадцать на двенадцать сантиметров, плюс-минус миллиметр. Это была «Правда» за июль восемьдесят четвёртого года.

— Это её, — сказала Регина Аркадьевна, когда я вернулся и, разумеется, спросил. — Сама режет, по шаблону, на ощупь. Рулоном не пользуется ни в какую. Говорит, рулон денег стоит. Где она ещё берёт эту «Правду», я тебе не скажу, я двадцать лет ищу подшивку! А сервиз её видел? Шесть чашек, пять блюдец, и ни на одно не поставь чашку, у неё на блюдце утюг стоит! Глухая, слепая, а в три часа ночи встанет и пойдёт через весь дом его щупать. Он холодный, он с прошлого воскресенья холодный, она постоит, поправит и обратно. Я сперва думала, лунатизм, а это, Филипп, старость, вот доживёшь!

Варвара Богдановна вошла, когда внесли мясо. Она приехала на автобусе. Я услышал, как хлопнула калитка, потом входная дверь, потом в прихожей кто-то сбил снег с сапог,

два удара, левым и правым, и она вошла.

На ней было тёмно-зелёное платье. До этого я видел её только в форменной рубашке, застёгнутой до горла, и, по-видимому, привык считать, что под рубашкой у неё нет ничего, кроме осанки. Платье было простое, шерстяное, с узкими рукавами до запястий и с вырезом чуть ниже ключиц, который ничего особенного не открывал. Но я впервые увидел её шею целиком, от узла до ключиц, и понял, что ничего о ней не знал. Шея оказалась длиннее, чем я думал. На ней таяли две снежинки, упавшие с узла, и я смотрел, как они тают, и это заняло, наверное, секунды три. Медь на тёмно-зелёном была другого цвета, чем на синем форменном, темнее и теплее: так меняется латунь, если перенести её из-под лампы дневного света под обычную. Губы у неё были темнее, чем на вышке, на два тона, может быть, на два с половиной. От этого лицо, которое я два года знал наизусть, стало чужим ровно настолько, что его пришлось узнавать заново, и я его узнавал. Потом я обнаружил, что стою. Я не собирался вставать, но стоял, а табуретка лежала за мной на боку.

Она сказала: «Здравствуйте», глядя примерно в мою сторону. Секундомер был у меня в кармане, я с утра держал на нём палец, но включить его не успел. Позже я оценил это «здравствуйте» в ноль целых восемь десятых секунды, и общее время наших разговоров с момента знакомства достигло пяти минут пятидесяти одной секунды. Точность этой оценки я не гарантирую. Насчёт губ я решил, что это с мороза.

Она села наискосок от меня, и колени у неё тоже оказались под подбородком, что ни в какой степени ничего не изменило. Я сосредоточился на столе, поскольку смотреть в другую сторону было нельзя.

Весь обед я смотрел на её стакан с клюквенным морсом. На неё смотреть было нельзя, а на стакан, как мне казалось, можно. Спичку она перед едой вынула и положила рядом с тарелкой, параллельно вилке. После каждого глотка на краю стакана оставался след помады, неполный, левая половина темнее правой: левым углом рта она обычно держит спичку и прижимает его сильнее. К концу обеда следы легли на край почти точно один на другой, и я не мог отвести от этого глаз, потому что так ровно без прибора не повторяет никто.

На столе теперь стояла рулька. Я слышал про неё, но таких не видел: Регина Аркадьевна покупала её у какого-то прапорщика, она была размером с хороший огнетушитель, лоснилась от чесночной корки и лежала на блюде в окружении хрена. Хрен был домашний, со свёклой, такой силы, что у Эвариста Лазаревича от одного запаха потекли слёзы, и он сказал, что это первая честная эмоция за весь февраль. Кроме рульки на столе стояли селёдка под шубой, пирог с капустой и холодец. Холодец вздрагивал всякий раз, когда над домом проходил самолёт, и успокаивался на три секунды позже посуды. Полковник взял в правую руку нож, посмотрел на него, посмотрел на рульку и произнёс:

— Рубеж — кость. Режем от кости, по секторам. Первый

сектор старшему по званию, далее по старшинству.

— Простите, — сказал Эварист Лазаревич, разворачиваясь на стуле, как циркуль. — Задача справедливого дележа решена Штейнгаузом в сорок четвёртом году, как раз под оккупацией, когда человеку было о чём подумать. Для двоих один режет, другой выбирает. Для восьми существует точная процедура, она займёт у нас минут сорок, зато никто не сможет утверждать, что другому досталось больше. Обратите внимание: по вашему алгоритму зависть не устраняется.

— Зависть тут устав устраняет, — сказал полковник.

— Стоп, стоп, стоп. Кейс. — Ярослав положил на стол обе руки, и стол заметно просел. — Вы оба делите так, как будто это еда. Это актив. Рулька не бесконечна, спрос превышает предложение, значит, никакого дележа вообще не должно быть, должен быть аукцион. Я сейчас покупаю сорок процентов и половину тут же продаю профессору под обещание, что он посчитает мне одну штуку, а через десять минут рулька стоит вдвое, потому что остынет. Кто считает, что я неправ, покажите мне, в каком месте.

Я смотрел на эту рульку и думал о том, что кухонные весы, которые я видел, проходя мимо кухни, стояли на неровной поверхности. Значит, вообще говоря, ни про один сектор никто не сможет с уверенностью сказать, какой он. Я только собрался об этом сообщить, как обнаружил, что Варвара Богдановна, вынув изо рта спичку, спрашивает ровным голосом:

— Кто отвечает за нож?

Все посмотрели на неё, а потом на полковника, в руке у которого был нож, а потом на Майю, потому что от рульки к этому моменту отсутствовала значительная часть. Майя отрезала её собственным, неизвестно откуда взявшимся складным ножом, держала кусок прямо на лезвии и смотрела на нас как на людей, которые в поле уже мертвы.

— А чё, — сказала она с полным ртом, — ещё кто-то хотел?

Вторую половину отрезанного она в эту же секунду, не глядя, положила Ярославу на тарелку. Ярослав, тоже не глядя, переложил ей обратно самую поджаристую корку. Ни один из них при этом не прервал разговора.

Регина Аркадьевна взяла свисток и дунула, и после этого все ели то, что лежало ближе.

Я рассказываю это подробно, потому что тогда я решил, что присутствую при семейной шутке. Следующие две тысячи восемьсот километров мы проедем примерно так же.

Когда тарелки опустели наполовину, над домом прошёл самолёт, и едва посуда перестала дрожать, полковник вытер усы и сообщил, никому в особенности:

— Номер один.

За столом стало тихо. Эварист Лазаревич опустил вилку. Майя закатила глаза, но жевать стала беззвучно.

— Идёт прапорщик по минному полю, — сказал полковник голосом, каким зачитывают наряд. — Видит табличку: «Мины». Прочитал. Пошёл дальше. — Он помолчал ровно

столько, сколько требовалось. — Всё.

Я засмеялся, и это была ошибка. Смеялся я один, и в наступившей тишине смех мой прошёл по комнате и вернулся ко мне с неутешительным результатом. Полковник перевёл на меня глаза. Я понял, что над этим здесь не смеются. Как я впоследствии установил, анекдотов у полковника Непейводы было три, все они появились у него в 1987 году в Кандагаре и с тех пор не менялись; рассказывал он их по воскресеньям, в порядке номеров, и вся семья выслушивала их с тем же чувством, с каким выслушивают гимн.

— Номер два, — сказал полковник. — Вызывает генерал майора. «Майор, почему в одном сапоге?» — «Второй в расположении, товарищ генерал». — «А нога?» — «Нога при сапоге». Всё.

Он посмотрел на меня, и я заметил, как при этом левая его рука, та, что с тремя пальцами, лежит на скатерти совершенно спокойно. Смеяться я больше не мог. Но у меня уже появился вопрос, и я слышал, как он появляется, и ничего не мог с этим сделать.

— Простите, — сказал я. — Если второй сапог в расположении и нога при сапоге, значит, нога тоже в расположении. А майор стоит перед генералом, причём в первом сапоге, следовательно, на первой ноге. То есть он пришёл сам, а нога осталась там?

Ярослав медленно закрыл лицо рукой. Эварист Лазаревич подался вперёд с огромным интересом. Полковник смотрел

на меня довольно долго, и я успел заметить, что лицо Варвары Богдановны не выражает совершенно ничего и что спичка у неё во рту переместилась в другой угол.

— Так точно, — сказал наконец полковник. И, сделав паузу, уточнил: — Простофиля.

— Богдан, — громко сказала Регина Аркадьевна, — давай уже третий, чай стынет!

Полковник положил вилку и посмотрел на жену. Тут я впервые увидел, как он на кого-то смотрит.

— Номер три, — сказал он. — Сапёр женился.

Пауза.

— Всё.

И Регина Аркадьевна закинула голову и захохотала, всеми зубами, с удовольствием, так что свисток запрыгал у неё на груди. Она смеялась над этим в воскресенье, тридцать пять лет подряд, и, насколько я могу судить, совершенно честно. Усы полковника остались на месте. Но он смотрел на неё, пока она не кончила, и только потом снова взялся за вилку.

Майя, дожёвывая, спросила, смеётся ли вообще когда-нибудь бабка, а то сидит, как будто её забыли сдать. Ярослав сказал, что на его памяти один раз, и этот случай у них в семье считается знамением.

— Март двадцатого, — сказал он. — Самое начало, все по домам, по телику показывают Австралию: супермаркет, две тётки дерутся за упаковку туалетной бумаги. Реально дерутся, одна другой в волосы. Звука нет, бабка в экран носом,

и вдруг, ты понимаешь, вот это всё начинает трястись. Я думал, инсульт. Подбегаю, а она смеётся! Лет семь никто такого не видел. Смеётся и говорит: «Началось». И потом ещё неделю ходила как именинница, ела за троих. Ну мы так поняли, что она про вирус. Человек пережил всё, что можно, войну пережила, рыбу, ей, наверно, интересно.

Я помню, что посмотрел тогда на кресло. Зинаида Кузьминична всё так же сидела, наклонившись к телевизору, по которому бесшумно шла реклама стирального порошка, и было непонятно, спит ли она.

Дальше я пошёл мыть руки вторично, поскольку на них был хрен. Я хочу подчеркнуть, что шёл я именно за этим. В прихожей на стене, на дубовой доске, висел большой латунный барометр с гравировкой, которую я прочёл ещё при входе: «Полковнику Б. Т. Непейводе от личного состава». Стрелка стояла на семистах пятидесяти двух. Утром на аэродроме было семьсот сорок восемь, я случайно знал, и за день давление только падало, снег об этом говорил совершенно определённо.

Я постучал пальцем по стеклу, как положено. Стрелка дрогнула и вернулась обратно. Четыре миллиметра ртутного столба, а может быть, и больше; а прибор хороший, дорогой, таких уже не делают, и висит он на видном месте в доме, где живёт авиадиспетчер.

Как я уже писал, я редко замечаю момент, когда принимаю решение. Следующее, что я помню отчётливо, это чи-

стая кухонная салфетка на полу прихожей, а на ней в порядке снятия: восемь латунных винтов, стекло, ободок, циферблат со стрелкой, и анероидная коробка у меня в левой руке, и тихий, полный счастья голос, которым я говорю ей: «Ну вот, ну конечно, усталая у нас с тобой пружина». Я сидел на полу в носках. Обеденный шум где-то позади меня постепенно изменился, потом прекратился. Я поднял голову.

В дверях прихожей стояла Варвара Богдановна с двумя чашками чая.

— Что вы делаете? — спросила она.

— Он врёт на четыре миллиметра, — сказал я. — Я почти всё.

Она ничего на это не сказала. За её плечом, примерно на уровне локтя, возникли усы. Полковник Непейвода вошёл в прихожую без единого звука, какой только может не издавать человек в тапочках, остановился над салфеткой и посмотрел на циферблат с гравировкой, лежащий отдельно от всего остального. В доме стало слышно, как тикают часы на втором этаже. Откуда-то подошёл Ярослав и, наклонившись, заглянул через голову отца, и лицо у него было такое, как у человека, который смотрит, как кто-то другой выходит на минное поле, прочитав табличку.

— Кто разрешил? — спросил полковник.

Правильного ответа на этот вопрос я не знал, поэтому сообщил то, что знал:

— Он показывает неправильно. Судя по износу, примерно

с момента вручения.

Я никогда не думал, что тишина может иметь такую плотность. Над домом как раз пошёл на посадку самолёт, стёкла зазвенели, анероидная коробка задрожала у меня в пальцах, и в этом звоне, в ту секунду, когда он начал стихать, я услышал ещё один звук. Это было что-то вроде того, как если бы небольшое животное засосало в пылесос. Звук повторился. Я обернулся. Варвара Богдановна стояла, уткнувшись лицом в собственное плечо, плечи у неё тряслись, чай лился из обеих чашек на пол, а почти чёрные глаза были совершенно мокрые и смотрели, насколько я вообще мог это определить, на меня.

Я успел подумать, что отдал бы за это штангенциркуль, и только потом подумал, что она, вероятно, над чем-то смеётся. Полковник медленно повернул к ней голову. Ей пришлось сделать над собой усилие, которое я мог бы, пожалуй, оценить в ньютонах; лицо её снова стало ровным, и только ноздри ещё немного ходили, причём левая отставала, а шея из-под воротника была вся в пятнах, как при сильной аллергии.

— Это кто? — спросил полковник.

— Поверитель.

— Чей?

Она вынула спичку изо рта и посмотрела на неё. Прошло, по моим оценкам, секунды две.

— Мой, — сказала она.

Я тогда заключил, что у аэродрома, очевидно, есть с нашим центром договор на обслуживание, оформленный на неё лично, чего я до сих пор почему-то не знал, и удивился, как это прошло мимо меня.

Договор, блядь. — М. Ш.

Барометр я собрал за сорок минут. Полковник всё это время стоял и смотрел, и не сказал ни слова. Стрелка, когда я её выставил, легла на семьсот сорока семи. Он постучал по стеклу тремя пальцами и посмотрел на меня так, словно я подделал ему документы. С тех пор, как мне рассказывала Варвара Богдановна, он каждое утро стучит по этому барометру и сверяет его с прогнозом, и с тех пор прибор ни разу не ошибся, чего полковник мне так и не простил.

Не было. — Б. Н.

Провожал меня Ярослав. У калитки он остановился, выпустил в темноту большое арбузное облако и какое-то время смотрел, как оно уходит в сторону взлётной полосы. Я спросил его наконец, что же всё-таки значило «посмотреть ещё раз». Ради чего меня сюда звали, если не считать стула?

— Он посмотрел, — сказал Ярослав.

— И что?

— Сотка. — Он взглянул на меня сверху со странной смесью жалости и коммерческого интереса. — Ты в этот дом вошёл семь лет спустя после того забора и за три часа разобрал его барометр. Ты вообще понимаешь, что за всю мою жизнь я не смог заставить его так долго на меня смотреть?

Я сказал, что не понимаю, какое это имеет отношение к обеду. Он вдохнул, ничего не сказал и пошёл обратно к дому.

✷0.7

Отец. Журнал маршрута, запись первая

Приложение. Журнал полковника запаса Б. Т. Непейводы, общая тетрадь в клеёнке, 96 листов. Передана мне в запечатанном пакете без объяснений. Знаки ### проставлены в оригинале чёрным маркером; снимать их автор не разрешил, а я не смог. Первые записи сделаны за пять месяцев до начала маршрута. — Ф. С.

11 апреля. Областной госпиталь, терапия, палата 6.

Мать, 95 лет. Поступила 2 апреля, двусторонняя пневмония. Слух отсутствует с 2011 г. Зрение: свет и тень. С начала марта не говорит. Дежурю ночами, днём дежурит жена.

В 03:30 сказала: «Выключи». Первое слово за пять недель. В палате горела дежурная лампа. Выключил, написал пальцем у неё на ладони ВЫКЛ. Сказала ещё раз: «Выключи». Выключать в палате больше нечего. Сообщил дежурной сестре. Сестра сказала, что это у них бывает.

В 03:40 открыла глаза. Взяла меня за левую руку и начала говорить. Голос ясный, как при чтении ведомости. Назвала цифры: ■■■■■■■■■■■■■■■■■■. Всего восемнадцать, подряд, без пауз и без интонации.

Спросил: «Мама, что это?» Не слышит. Написал пальцем у неё на ладони ЧТО. Не прочла или не стала.

Повторила цифры. Всего за ночь повторила три раза, оди-

наково, ни одного расхождения. Я повторял за ней вслух. Проверить, правильно ли я повторяю, ей было нечем.

В 04:15 сжала пальцы. Руку не отпускала до 04:50, после этого отпустила. В 06:50 констатировали.

Больше ничего не сказала. Что за цифры, зачем, почему мне и почему именно сейчас, неизвестно. Спросить не у кого. Врач выразил соболезнование. Подписал, что нужно.

12 апреля.

Цифры держу. Порядок работы: утром, в обед и на ночь по девять раз, как матчасть.

Восемнадцать знаков. Первые два напоминают градусы широты, десятый и одиннадцатый напоминают градусы долготы. Если разбить пополам, получаю широту ■■,■■■■■■■ и долготу ■■,■■■■■■■. Точка определяется однозначно. Количество знаков после запятой подозрительно большое.

Проверил по карте генштаба 1:500 000, издание 1968 г. Точка попадает в воду. Аральское море, глубина около двадцати метров, ближайшая суша вне пределов прямой видимости. На космоснимке того же места сейчас солончак. Моря там нет с начала двухтысячных.

Позвонил Корнееву (штурман, в отставке). Цифр не называл. Спросил, сколько знаков после запятой нужно, чтобы указать точку. Корнеев: четыре это дом, пять это дверь. Шесть это уже стол. Семь, говорит, это, Богдан, чайное блюдце, и то с запасом. Спросил, зачем мне. Сказал, что для вну-

ка. Внуков нет.

13 апреля.

Анализ.

1. Мать 36 лет работала в Аральске. Рыбкооп, бухгалтерия. У рыбкоопа были суда.

2. В апреле 1992 г. приехала насовсем, с двумя чемоданами. О причинах не говорила.

3. Человек, который указывает точку в открытом море с точностью до чайного блюдца, знает, что там лежит, и хочет, чтобы это нашли.

4. Пока было море, достать было нельзя. Теперь моря нет. Этим объясняется, почему не сказала раньше.

5. В 1991 г. пропало золото партии. Куда пропало, не установлено.

Вывод: ценности. Размер определить не могу, но для такой точности незначительными они быть не могут. На несколько поколений.

О ценностях мать ничего не говорила. Это мой вывод. Фиксирую это здесь один раз и больше к этому не возвращаюсь.

Меня растила её сестра, в Иваново. Мать приезжала дважды в год, в отпуск, привозила рыбные консервы и какие-нибудь вещи, очень хорошего качества. За стол не садилась, пока не проверит, как я одет. Отдельно от этого: не могло быть такого, чтобы человек 36 лет там работал и ничего не оставил единственному сыну.

15 апреля.

Кремировали. Письменное распоряжение матери лежало в тумбочке: одна строка, без объяснений. Присутствовали: я, жена, сын, дочь, сожительница сына, Эвакуатор (по настоянию дочери). От военкомата никого, поскольку она не имела к нему отношения. Сын собирался сказать речь. Запретил. Половину захоронил к тётке. Половину оставил. Если цифры верны, ей надо быть там.

17 апреля.

Разбираю вещи. Всё в идеальном порядке. Оба чемодана пустые. Бумаг нет.

Гвоздь в уборной оставил. Квадратов на нём осталось сорок один. Жена спросила, зачем я их считаю.

В воскресенье анекдоты рассказывать не стал.

20 апреля.

За ужином довёл до сведения сына: мать указала точное местонахождение ценностей, способных обеспечить семью на несколько поколений вперёд. Указание получено мной лично, сведения о координатах секретные, никому не передаются и нигде не записаны. То, что о ценностях она не говорила, не доводил. Считаю это допустимым упрощением обстановки.

Сын выслушал. Предложил помощь в форме, близкой к нападению: встал, ударился о плафон, сказал «Батя, это кейс». Через два часа прислал таблицу. Через шесть часов прислал название. Через сутки спросил, готов ли я подписать

документ, который, по его словам, будет основан на труде двух англичан по математике. Спросил у него, сколько это будет стоить. Сказал: столько-то. Спросил, сколько именно. Сказал: это мы как раз определяем.

Сожительница сына спросила, сколько это в долларах.

Дочь ничего не спросила. Посмотрела на меня дольше обычного.

Жена сообщила, что с 1 сентября на два месяца уезжает с подругами, билеты куплены ещё в январе, и что я могу ехать хоть на Луну, только чтобы поел.

Итог дня: цифры повторил двадцать семь раз. Расхождений нет.

✷1

Стадия 1

«Мы собираем (столько-то) денег»
✸1.01

Посвящение

Семнадцатого августа в девять минут седьмого вечера мне позвонил Ярослав. Разговор длился одиннадцать секунд, и привожу я его полностью.

— Сотка, кейс. Отцовский гараж, двадцать один ноль-ноль. Телефон оставь дома. Поешь заранее, но не плотно.

Я спросил, почему не плотно. Он уже положил трубку.

До гарнизона в Северном идёт автобус № 8, который на этом маршруте выдерживает интервал двадцать две минуты плюс-минус примерно всё остальное, так что на месте я был в двадцать сорок и девятнадцать минут изучал ворота. Гараж полковника Непейводы представлял собой кирпичный бокс на две машины, и я видел его только в феврале и снаружи. Без одной минуты девять я постучал. Изнутри сказали: «Открыто», и я вошёл в помещение, освещённое одной сорокаваттной лампочкой, где пахло соляркой, холодным железом и арбузом.

Над смотровой ямой стояла зелёная буханка с открытым капотом. У стены на ящике из-под снарядов сидел полковник и тряпкой протирал какую-то небольшую деталь, держа её тремя пальцами левой руки так нежно, как, должно быть, другие люди держат птенцов. Эварист Лазаревич был сложен на втором таком ящике и читал толстую книгу, переплёт которой я раньше никогда не видел, но о которой догадался по

тому, сколько в ней было значков. Майя сидела на крыше буханки, свесив ноги в сторону лобового стекла, и щёлкала семечки в ладонь. Ярослав стоял посреди гаража, склонив голову немного набок, потому что потолок был рассчитан на другую семью.

Варвары Богдановны не было. Я отметил это и сказал себе, что отмечать это мне незачем.

— Закрой дверь, — сказал Ярослав. — Стой тут. Читай.

Он протянул мне конверт. В конверте был один лист офисной бумаги формата А4, шрифт Times New Roman, двенадцатый кегль, текст в одну колонку, и я его уже приводил в начале отчёта, поэтому повторять не стану. Я прочитал его два раза, второй раз медленно, и мне показалось, что в нём имеется ряд неточностей.

— Здесь написано: «средним истребителем».

— Ну.

— Средним по какому признаку? Истребители делят на лёгкие и тяжёлые, по взлётной массе, причём не во всех классификациях. Кроме того, я не понимаю, в каком смысле «при нулевой видимости». Если речь о посадке, то это категория три-Цэ, но там всё равно нужна система, и она, насколько мне известно, на истребителях…

— Сотка.

— И я не вполне уверен насчёт Гудини. Он умер от перитонита, потому что не успел напрячь живот, то есть с точки зрения ловкости…

— Сотка. Внизу подпись. Подпиши и съешь.

Я подумал, что не расслышал, и посмотрел в документ. Там действительно было написано: «Поставьте подпись и съешьте». Тут я понял, что принял это за фигуру речи только потому, что не имел опыта работы с такими документами.

— Там сажа и полимер, — сообщил Эварист Лазаревич, не поднимая глаз от книги. Палец у него сегодня был цвета графита. — Я проверял. В таких количествах вреда не больше, чем от шаурмы. Советую начинать с угла: на углах нет текста, и какое-то время можно считать, что ничего не происходит. Свой я съел с хреном, но у вас хрена нет.

— А вы? — спросил я, посмотрев наверх.

— Я сказала: сам жри, — ответила Майя и сплюнула шелуху в ладонь. — Он и сожрал.

— Участник не обязан есть лично, — быстро сказал Ярослав, не моргнув, — участник обязан обеспечить съедение. Это стресс-тест, она его прошла, там в правилах всё прописано.

Я посмотрел на полковника. Полковник не поднимал головы.

— Батя съел в апреле, — сказал Ярослав. — Не разворачивая. С конвертом.

Лист формата А4 имеет площадь 0,0624 квадратного метра и при плотности восемьдесят граммов на квадратный метр весит 4,99 грамма, то есть примерно столько же, сколько чайная ложка сухой гречки, что звучало вполне выполни-

мо. Я взял с верстака карандаш, расписался и начал с угла. Эварист Лазаревич был прав: первые секунды действительно ничего не происходило. Офисная бумага сначала сопротивляется, потом сдаётся и превращается во рту в серый мякиш со вкусом мокрой картонной коробки, причём тонер ощущается отчётливо, особенно на словах «Гарри Гудини», где буквы шли плотнее. Слюна у меня кончилась примерно на «ядерными ракетами», и Ярослав молча протянул мне кружку с водой. Всего на документ ушло одиннадцать минут. Никто со мной не разговаривал. Только когда я дожёвывал подпись, мне пришло в голову, что единственное свидетельство того, что я был предупреждён, теперь находится внутри меня, и что вся юридическая конструкция, если разобраться, этим и исчерпывается.

— Годится, — сказал Ярослав и всосал воздух. — Теперь смотри. Кейс.

И он рассказал. Весной перед смертью бабка, которую я видел в кресле, надиктовала полковнику широту и долготу. По этим координатам находятся ценности, способные обеспечить семью и потомков на несколько поколений вперёд, при условии, добавил он, что те не родятся клиническими идиотами. Координаты известны только полковнику, существуют только у него в голове и нигде не записаны. Точность составляет чайное блюдце.

Я проглотил остатки предупреждения и спросил, какова погрешность блюдца, поскольку блюдца бывают разные. По-

том я задал второй вопрос, и его я задал, пожалуй, тише. Я спросил, что обычно происходит с теми, кто знает о существовании такой информации.

— С кем? — переспросил Ярослав. — С тобой? С тобой ничего. Ты ничего не знаешь. Ты не знаешь, где, что и сколько. Тебя поэтому и зовут: кого тут пытать, ты же ничего не скажешь.

Я хотел бы, чтобы было записано, что именно в эту минуту у меня возникло лёгкое беспокойство. Как я понимаю эту процедуру, тот, кто ничего не знает, не может её прекратить. Он может только продолжать не знать.

Схема лежала в ящике из-под реактивных снарядов, в шести экземплярах. Мне выдали экземпляр № 4. Это была папка толщиной с кирпич, двести одиннадцать страниц, сшитых суровой ниткой, и на титульном листе стояло: «СХЕМА. Основания. Том единственный». Выносить её из гаража запрещалось. Читать разрешалось здесь, на месте, с девяти вечера до шести утра, под наблюдением. Наблюдением оказался полковник, который сел напротив меня, взял другую деталь и другую тряпку и за следующие три ночи не сказал мне ни одного слова, так что я имею основания считать это самым долгим нашим разговором.

Я раскрыл первую страницу.

#1. ЗАДАЧА

#1.01. По глубочайшим убеждениям (делать то-то и то-то) и увеличивать прибыль. Оба вида деятельности неразрывно

связаны. Df.

#1.1. Цель: увеличить прибыль (делая то-то и то-то). Pp.

#1.11. Кратко: мы собираем (столько-то) денег, потом (делаем то-то и то-то) и увеличиваем прибыль.

#2. ВСТУПЛЕНИЕ

#2.01. Некоторые современные тренды, геополитические события и мемы (защищённые авторским правом, патентом, коммерческой тайной и торговой маркой) привели нас к прозрению, что мы можем заработать (столько-то) денег (делая то-то и то-то).

#2.02. Но потребуется $ (крупная сумма), которую необходимо будет превратить в $ (ещё более крупная сумма), если только не (любой катаклизм или мировая война).

#3. ДЕТАЛИ

#3.01. Приняв обеты трезвости и безбрачия, отказавшись от материальных благ и переехав в скромный коттедж с потенциальным бассейном (условие руководства), но в самом дешёвом месте на Земле (таким, чтобы нам ещё доплачивали), чтобы прибыль росла сразу, начинаем (делать то-то и то-то), употребляя в пищу всё то, что употребляет среднестатистический буддийский монах дзенской направленности (рис и вода).

#3.1. Делая (то-то и то-то), увеличиваем прибыль в геометрической прогрессии, привязанной к стадии Схемы (1-2-3-4). Если только не (катастрофа, сопоставимая с падением метеорита на Землю).

#3.2. Конфискуем имущество конкурентов и всех тех идиотов, что вложились в их грязные и жалкие фирмы. Самих конкурентов продаём в рабство расцветающей африканской провинции, жители которой не говорят ни на одном живом языке мира.

#3.21. К тому времени прибыль должна составлять больше, чем у любой империи эпохи расцвета (по Схеме).

#3.3. Схема для всех участников сопоставима с Торой для иудея, график работы с философским трактатом.

Дальше шло ещё двести страниц. Я прочитал их все, и я, видимо, единственный, кто это сделал, включая авторов. Ярослав, как выяснилось, взял общую архитектуру у двух англичан, написавших в начале прошлого века книгу, которую читал Эварист Лазаревич, и каждое утверждение в Схеме имело свой номер, ссылалось на предыдущие и выводилось из них по правилам. Там были определения, помеченные Df, и исходные положения, помеченные Pp. Там имелась таблица стадий, таблица ответственности и приложение, в котором строго доказывалось, что если мы копаем, то находим, и что это эквивалентно утверждению: либо мы не копаем, либо находим. Выглядело это совершенно неприступно. Я сорок минут проверял одну цепочку на странице восемьдесят три и не нашёл в ней ни единого логического разрыва, и мне стало по-настоящему страшно от того, какие умные люди этим занимаются.

На второй час я начал считать скобки.

Я не могу объяснить зачем, просто они там были. К утру первой ночи результат был такой: на двухстах одиннадцати страницах содержалось 1146 пар скобок. В трёхстах восемнадцати стояло «то-то и то-то». В двухстах четырёх «столько-то». Ещё в девяноста одной «крупная сумма» в различных степенях, в ста двух «любой катаклизм», а в оставшихся находились уточнения вроде «по Схеме», «см. выше», «см. Схему» и «условие руководства». Ни в одном месте документа не говорилось, что мы собираемся делать, сколько на это нужно и что мы получим, зато было с исчерпывающей строгостью показано, как одно следует из другого.

Я помню, что ощутил почтение. За пять лет работы я видел документы с разной степенью секретности, но такого уровня защиты информации не встречал нигде: авторы засекретили даже существительные.

— А что именно делаем? — спросил я Ярослава в начале второй ночи, когда он зашёл взять гаечный ключ.

— То-то и то-то.

— Это я прочитал. Что стоит на этом месте в открытом варианте?

— Это закрытая часть.

— А у кого она есть?

Он как-то очень быстро вдохнул арбуза и показал подбородком на отца.

— А сумма? На сколько мы рассчитываем? Я имею в виду порядок величины. Плюс-минус.

— Сотка, сумма определяется по мере прохождения стадий. — И, уже в дверях, обернувшись, с широчайшей улыбкой, какую могут дать зубы из Шуи: — Страница девять, кстати. Посмотри. Я для тебя оставил.

Я посмотрел. На девятой странице находилось определение: «✷3.011. Потенциальный бассейн есть такая яма, которая при определённых допущениях могла бы быть бассейном. Df. (Сотых, 20__.)» Это был мой текст. Это были мои слова, написанные мной в восемнадцать лет на единственном в моей жизни экзамене, и они наконец нашли применение в документе, ради которого я съел лист бумаги. Я просидел над этой строчкой довольно долго. Мне было стыдно, как если бы я случайно нашёл свой школьный дневник в сейфе у генерала, и мне было приятно настолько, что я не стану указывать, насколько.

Сноска с твоей фамилией была моей идеей. Единственная из моих сорока поправок, которую он принял. С Торой положено спорить, а не только переплетать её суровой ниткой, но, боюсь, здесь я был единственным специалистом. — Э. Г.

Ссылочная база повышает доверие. — Я. Н.

Экзамен назначили на третью ночь. Я узнал об этом в четыре часа утра, когда полковник положил свою деталь, встал, отчего почти не изменился в росте, подошёл и поставил передо мной на верстак два одинаковых приёмника GPS.

— Какой врёт?

Это были первые слова, с которыми он обратился ко мне с

февраля. Я посмотрел на приёмники, и мне впервые за трое суток стало хорошо. Я взял оба. Я сказал, что для этого мне нужен пункт с известными координатами. Он смотрел на меня, не отвечая, и я понял, что это входит в вопрос. За забором гарнизона, на краю лётного поля, я ещё из окна автобуса № 8 заметил пирамидку государственной геодезической сети с облупленной краской; идти до неё было три километра по росе. Я просидел там с приёмниками до рассвета, снимая показания, отмахиваясь от комаров и ощущая что-то очень похожее на счастье. Над полем взлетал самолёт с тарелкой. К семи утра я вернулся и положил приборы на верстак. В гараже никто не ложился. Ярослав курил у ворот, Майя спала на крыше буханки, Эварист Лазаревич перевернул страницу.

— Оба, — доложил я. — Первый смещает на два метра восемьдесят к северо-востоку, второй на четыре десять к югу. Притом второй плавает, у него что-то с антенной. Это если мы исходим из того, что сам пункт верен, а я не могу этого утверждать, ему лет сорок.

— Я спросил «какой».

— Вы неправильно спросили.

Я услышал, как замер Ярослав и как наверху, на крыше буханки, во сне хрустнула семечка. Усы полковника не шевельнулись. Он взял приёмники, по одному поднёс к глазам, поставил обратно. Затем посмотрел на меня тем же взглядом, каким смотрел в феврале на разобранный барометр.

— Зачем едешь?

— Я не знаю, — сказал я.

— Что там, знаешь?

— Нет.

— Что будем делать?

— Там написано «то-то и то-то».

— Боишься?

Я подумал над этим и ответил, что боюсь, но что не могу пока оценить величину, поскольку не располагаю достаточной статистикой по пыткам. Полковник кивнул, как кивает врач, узнав то, о чём давно догадывался.

— Не годен, — сказал он и вернулся на свой ящик.

В этом не было ничего неожиданного. Я подумал, что, пожалуй, это справедливо, и что, с точки зрения допусков, я бы и сам себя не взял. Я только не очень понимал, что теперь делать с пятью граммами Предупреждения, которые уже усвоились. Я начал укладывать в чехол штангенциркуль, чтобы успеть на автобус, и тут заметил, что в проёме открытых ворот, на фоне утреннего поля, кто-то стоит. Не знаю, как долго она там стояла. Она была в форменной рубашке, после ночной смены, со спичкой в углу рта, и свет шёл у неё из-за спины, так что я видел только контур, причём контур этот, как я уже сообщал, находится за пределами моей шкалы.

— Он едет, — сказала Варвара Богдановна.

Тишина установилась такая, что я услышал, как капает что-то в смотровой яме. Полковник поднял голову.

— Основания.

— Приборы врут. Он один говорит, на сколько.

Над гаражом пошёл на посадку самолёт, и все, как принято в этой семье, переждали. Когда стекло в воротах перестало дрожать, полковник всё ещё смотрел на дочь, а дочь смотрела на него с полным спокойствием, ни о чём не прося и ничего не объясняя. Я не могу сказать, сколько это длилось. У меня с собой был секундомер, но я о нём забыл, чего со мной раньше не случалось. Что-то прошло у него по лицу снизу вверх, от усов до бровей, как проходит по большому механизму команда, которую он не вправе отклонить.

— Есть, — сказал полковник Непейвода.

Я обернулся. Ярослав стоял с открытым ртом, и арбузный пар выходил из него сам по себе, без всякого участия хозяина. Майя проснулась, села на крыше и сказала: «Ни хера себе». Как я потом выяснил, за тридцать лет своей жизни Ярослав слышал это слово от отца семь раз, и все семь были сказаны ей.

Я был глубоко тронут. Я и раньше догадывался, что авиаторы серьёзно относятся к метрологическому обеспечению, но такого уровня понимания от семьи военных не ожидал.

Идиот, идиот, идиот. — Э. Г.

Подтверждаю все три. — В. Н.

— И я еду, — добавила она тем же тоном. — Мать уезжает. Я не буду два месяца сидеть дома и разговаривать только с Эваристом.

— Определи «только», — сказал Эварист Лазаревич и пе-

ревернул страницу.

Она вынула спичку, посмотрела на неё и пошла к дому. Проходя мимо меня, она чуть замедлила шаг, примерно на полтора километра в час, посмотрела куда-то левее моего уха и задела меня плечом так, что я качнулся. Ширина проёма ворот, как я проверил позже, три метра двадцать сантиметров.

— Возьмите тёплое, — сказала она быстрее, чем говорила всё утро, и не остановилась. — Отец купил шесть ватников.

На это ушло две целых три десятых секунды, и общее время наших разговоров с момента знакомства достигло восьми минут четырёх секунд. Я записал это на автобусной остановке, и в тот же день, придя домой и обнаружив, что тёплого у меня нет, завёл ещё одну таблицу. В первой её графе значился метод, а во второй примерное время, которое я, по моим оценкам, мог бы продержаться. Заполнять вторую графу было трудно, поскольку сдавать мне всё равно было нечего.

✷1.02

Эварист. Завалинка

Приложение. Э. Л. Гурвич предоставил распечатку одной ветки форума со вступлением и потребовал напечатать всё без сокращений. Сокращено вдвое. — Ф. С.

Не вдвое, а в 2,3 раза. Ты хоть здесь будь точен. — Э. Г.

Если вы хотите знать, где в нашем отечестве ещё можно высказать законченную мысль, ищите место, куда не дочитает ни один человек, которому за это платят.

Я нашёл такое место в разделе «Вредители» форума садоводов Ивановской области «Завалинка». Основан в 2004 году для обмена рассадой. Модератор Валентина Петровна, семьдесят восемь лет, знает одно правило: «Про рассаду в раздел Рассада». Всё остальное её не интересует. Но главное не в ней. Любой алгоритм, который ищет в сети нехорошие слова, на третьей странице обсуждения колорадского жука приходит в полное расстройство, поскольку там через слово «уничтожить», «вытравить», «выжечь всю нечисть» и «передавить всех до единого, пока не расплодились». Система, насколько я могу судить, давно признала этот раздел аномалией и махнула на него рукой. Поэтому о Гёделе, о свободе воли и о том, кто в этой стране кому и что должен, говорят сегодня там. Людей это устраивает. Садоводов тоже.

Меня зовут там Гипотенуза. Как вы можете заметить, я сторона, лежащая напротив прямого угла. Прямых углов у

нас хватает.

Я пришёл туда по причине, которая вас не касается. Днём я учу чужих детей логарифмам, пока их родители не узнают, чего они там узнают, и не заберут детей без объяснений; под дверью у меня бывают записки, а сосед по площадке по какой-то причине путает мой коврик с урной. Ночью я выясняю отношения. Объектом выяснения должно было быть общество в целом. Но с обществом в целом трудно спорить, у него нет аккаунта. За четыре года основным представителем общества для меня стал некий Кротобой_62. Шестьдесят два, как я понял, это число уничтоженных им кротов на момент регистрации. Он туп, как щебень, упрям, как подагра, и никогда не уходит из спора первым. Ни с кем в своей жизни я не разговаривал так много.

Приведу начало. Ветка называется «КРОТ. ВОПРОС ЗАКРЫТ», и ей четыре года.

* * *

Кротобой_62: Участок 6 соток. Крот. Способ: 2 л солярки в ход, вход заглушить, поджечь. Результат положительный. Вопрос закрыт.

Гипотенуза: Определите «положительный». Вы видели мёртвого крота?

Кротобой_62: Нет.

Гипотенуза: То есть вы видели отсутствие новых кротовин в течение наблюдаемого периода и заключили о гибели объекта. Это называется ошибкой вывода.

Кротобой_62: Крот либо есть либо его нет.

Гипотенуза: Закон исключённого третьего. Вы в этом уверены? Брауэр, например, не считал его общезначимым.

Кротобой_62: Брауэр на каком участке.

Гипотенуза: Брауэр в Голландии, он умер.

Кротобой_62: Значит тоже вопрос закрыт.

Тётя_Валя_модератор: Про рассаду в раздел Рассада

Гипотенуза: Хорошо. Но вот что любопытно: крот ваш мог просто перейти к соседу.

Кротобой_62: Перешёл.

Гипотенуза: То есть существует третье.

Кротобой_62: Это не третье. Это сосед.

* * *

Это было на второй день нашего знакомства. Через месяц мы дошли до теоремы о неполноте, причём он утверждал, что если нельзя доказать, что сапёр прошёл поле, это не значит, что поле не пройдено. Для человека, который печатает, судя по всему, одним пальцем, это очень приличная формулировка, и я ему об этом, разумеется, не сказал. Через год мы дошли до следующего места, которое я и привожу как образец его аргументации.

* * *

Кротобой_62: Такие как ты всегда так говорят.

Гипотенуза: Определите «такие».

Кротобой_62: Сам знаешь.

Гипотенуза: Знаю. Определите.

Кротобой_62: Вопрос закрыт.

Гипотенуза: Трус.

(через одиннадцать часов)

Кротобой_62: Ты там поел хоть. Третий час ночи пишешь.

* * *

Я вам больше скажу, я его ненавижу.

Теперь о деле. В апреле мне позвонил человек с лунным лицом и попросил подвести научную базу. Его отец, сообщил он, получил от умирающей матери координаты и не сообщает больше ничего, а ему нужен документ, который мог бы показать инвестору. Документ должен внушать, что за ним стоит нечто неопровержимое. Я спросил, что он имеет в виду. Он сказал: «Как у тех двух англичан». Я не думал, что он слышал про них. Он слышал про всё: он за две недели прослушал краткое содержание на тройной скорости, пока ехал в Шую за зубами.

Объясню вам про англичан, раз уж мы здесь, а вы никуда не торопитесь.

В 1910 году Уайтхед и Рассел начали издавать, отчасти на собственные деньги, потому что издательство заранее подсчитало убыток, трёхтомный труд «Principia Mathematica». Они хотели вывести всю математику из чистой логики, не оставив ни единой щели, в которую мог бы проскочить здравый смысл. Здравому смыслу они не верили, и правильно. Поэтому каждый шаг у них пронумерован, и на первых сот-

нях страниц вы не найдёте чисел. Предложение, из которого, как они осторожно обещают, когда-нибудь будет следовать, что один плюс один равно двум, появляется на странице 379-й первого тома, под номером ✷54.43. Само равенство доказано только во втором томе. После чего авторы, британцы до костного мозга, замечают: «Вышеприведённое предложение иногда бывает полезно».

Вы смеётесь, и все смеются. Но смотрите, зачем это было нужно. Если ни в одном звене цепи ничего не подразумевается, то цепь можно передать тому, кто ничего не понимает. Машине, например. Молодой человек по имени Алан Тьюринг, начитавшись этого, придумал, как именно. Всё, что сейчас у вас в кармане и подсчитывает ваши шаги, выросло из этих значков. То есть получилось ровно то, чего они хотели: мир стал работать на доказательствах, которые никому не надо понимать.

Что это им стоило, известно довольно точно. Рассел потом писал, что его мозг так и не оправился от этой работы, и что больше он никогда не был способен на настоящую абстракцию. В лучшие годы жизни он каждый день садился над чистым листом и смотрел в него до вечера. Прочитало это целиком, по разным оценкам, человек шесть. А в 1931 году австрийский юноша с больным желудком показал, что ни в этой, ни в какой другой достаточно богатой системе щель закрыть нельзя в принципе: всегда найдётся истинное утверждение, которое её правилами не доказывается. То есть они

потратили жизнь, чтобы построить самую непротекающую посудину в истории, а она протекала по определению.

И вот теперь вообразите. Берётся этот аппарат, созданный, чтобы ни одно слово нельзя было принять на веру, чтобы всё подразумеваемое вытащить на свет и пронумеровать. И на его основе человек ростом два метра шесть строит документ, в котором на месте всех существительных стоят скобки.

Я предложил ему сорок поправок. Первую я помню: «✷1.01: определите “то-то и то-то”». Он отклонил её, не вдыхая. Я решил проверить иначе. Если это секрет, то кто-то его знает, и этот кто-то должен хотя бы иногда оговориться. За четыре месяца я выяснил, что сын считает, что это знает отец. Отец, насколько можно понять по лицу, которое на такое не приспособлено, считает, что это уже вполне понятно из цифр. Жена считает, что всё это глупости, но что это их дело. А инвестору будет показан документ, при виде которого он решит, что это известно всем остальным.

Я вывел следующее.

Лемма. В скобках ничего нет.

Доказательство. Пусть в скобках что-то есть. Тогда сын, известный всей области неспособностью удержать во рту ни арбуз, ни чужую тайну, не смог бы об этом молчать, поскольку это уже было бы в презентации. Следовательно, сын не знает. Пусть знает отец. Тогда отец знал бы, сколько это стоит и как это вывозить, и не поручил бы сыну составлять до-

кумент. Следовательно, отец знает только то, что он знает, а это восемнадцать цифр, и ничего такого, что можно поставить вместо существительного. Противоречие. ▮

Об этом я сообщил только Варваре, на ночном дежурстве. Она спросила, поеду ли я. Я сказал, что документ, в котором самое честное место это пустота, заслуживает научного сопровождения. Она сказала: «Вас поняла». Это значило, что ехать придётся.

Этому маленькому человеку с усами я, между прочим, никогда не задавал прямого вопроса. Он называет меня Эвакуатором и смотрит на мой палец так, будто ждёт, что тот сейчас сработает. Зато в ту же ночь, вернувшись от неё, я, чтобы проветрить голову, спросил кое о чём другого идиота.

* * *

Гипотенуза: Вопрос не про кротов. Вы когда-нибудь подписывали бумагу, не зная, что в ней?

Кротобой_62: Подписывал.

Гипотенуза: И как это называется, по-вашему?

Кротобой_62: Служба.

Гипотенуза: А теперь, на пенсии? Если вы сами кому-то дали такую подпись?

(через сорок минут)

Кротобой_62: Крот у соседа. Вопрос закрыт. Иди спать.

* * *

Вот видите, с кем приходится работать.

✷1.03

Быть или не быть должным

К двадцать пятому августа у Схемы имелось всё, кроме денег, что, как следует из ✷1.11, и составляло первый пункт плана.

Деньги находились в Кинешме. Это около ста километров от Иванова по дороге, на которой удобно проверять подвеску, и стоит этот город на высоком берегу Волги, а на Волге, как известно, в каждом городе есть красивая набережная, откуда лучше всего видно, как отсюда уезжают. Ярослав вёз нас на чужой «Камри» и всю дорогу наговаривал на телефон тезисы. На заднем сиденье, сложившись в четыре приёма, сидел Эварист Лазаревич в своём винном пиджаке, а рядом с ним я, и на коленях у меня лежал осциллограф.

— Ты технический директор, — сказал мне Ярослав ещё в Иванове, вручая прибор. — Молчи и держи. Инвестор должен видеть железо.

Осциллограф был советский, С1-94, и ни к чему не подключён. За сто километров я его всё равно откалибровал, насколько это возможно на ходу.

Человека, к которому мы ехали, звали Гамлет Ашотович Саакян. Ярослав рассказал мне о нём в машине примерно то же, что рассказала бы любая ивановская парикмахерша. В девяностых Гамлет Ашотович держал в области всё, что можно было держать, а к нулевым, когда большинство его

коллег перешли в разряд своих будущих клиентов, основал сеть ритуальных услуг «Вечность»: девятнадцать филиалов, собственный цех, девиз «Мы вас не подведём». По его словам, он выбрал эту отрасль потому, что она позволяла ему продолжать работать с той же клиентурой. Он ни разу не был судим. Он никогда не повышал голоса. И он содержал на собственные средства народный театр, в котором уже двадцать два сезона подряд сам ставил Шекспира.

Театр занимал бывший Дом культуры ткачей, белое здание с колоннами, штукатурка которого отставала от стен с достоинством. В зале было холодно и пахло пылью, сырой фанерой и совсем чуть-чуть формалином. На сцене шла репетиция. Посреди чёрного задника стоял огромный промышленный вентилятор, и его лопасти гнали через площадку обрывки чего-то белого, а сквозь это, раскинув руки и придерживая на голове корону, двигался по косой крупный седой человек в вязаной кофте. Рядом с ним семенил кто-то очень толстый в колпаке с бубенчиками.

Мы сели в седьмом ряду. Я понимаю, что здесь принято кричать, поскольку в этом месте пьесы человек обращается к буре и требует, чтобы она утопила колокольни. Этот человек не кричал. Он сообщал буре условия. Голос у него был негромкий, сухой и совершенно отчётливый, и шёл он через вентилятор так, как идёт через помехи хорошо поставленный сигнал, и мне впервые в театре стало не по себе, потому что я поверил, что буря это выполнит.

— Вадик, не мельтеши, — сказал седой человек тем же голосом, опустив руки. — Ты шут, а не агент по продажам. Всё, стоп, выключите ветер. У нас гости.

Вентилятор остановился. Как выяснилось потом, вся труппа состояла из сотрудников: Шута играл водитель катафалка Вадик, сто сорок килограммов, Кента старший копальщик, Глостера начальник цеха, а дочерей две сотрудницы по работе с родственниками и бальзамировщица. Гроб для финала был настоящий, дуб, и числился за бухгалтерией как выставочный образец.

Гамлет Ашотович сел на край сцены, свесив ноги, снял корону и положил рядом с собой. Ему было шестьдесят три. Лицо под седой гривой было спокойное, тяжёлое и внимательное, такое бывает у врача, который уже посмотрел ваш снимок. Вблизи я заметил, что кофта у него заштопана на локте очень хорошей работой.

— Я вас слушаю, — сказал он.

Я должен признать, что Ярослав был великолепен. На этот случай он привёз с собой проектор и, повесив на задник простыню с чьего-то реквизитного ложа, двадцать минут говорил о трендах, о геополитике, о мемах и о стадиях. На простыне сменялись стрелки. Голос его заполнял зал, не напрягаясь, красное лунное лицо светилось, а огромные руки ставили в воздухе одну опору за другой, и по мере того как росла эта конструкция, я, который трое суток читал документ и пересчитал в нём все скобки, поймал себя на желании вло-

житься. Я проверил карман. Там было четыреста рублей. Копальщик в первом ряду задумчиво кивал. Когда Ярослав закончил, бальзамировщица немного поаплодировала и смутилась.

Гамлет Ашотович всё это время листал нашу папку и читал её так, как читает меню человек, которому принадлежит ресторан. Закрыв её, он некоторое время молчал.

— Молодой человек, — сказал он. Говорил он так тихо, что весь зал невольно подался вперёд, и бороться с этим было невозможно. — Вы знаете, в чём ошибка короля Лира?

— Ну, — быстро сказал Ярослав, — вывел активы без обратного выкупа. Там классически…

— Он устроил питч, — сказал Гамлет Ашотович. — Собрал совет директоров и объявил: кто из вас скажет красивее, той и капитализация. Старшие две выступили превосходно. Ни одного слова, которое можно было бы проверить. Любовь больше зрения, простора и свободы, дороже всего, что можно оценить. А младшая встала и сказала: я люблю вас так, как велит мне долг, не больше и не меньше. — Он положил ладонь на папку. — За всю пьесу это единственный показатель с указанием пределов. И он её выгнал. Я сорок лет смотрю на эту сцену, и сорок лет мне кажется, что это самое глупое, что может сделать инвестор.

Я не очень хорошо разбираюсь в литературе. Но где-то в области диафрагмы я ощутил в этот момент нечто вроде лёгкого сдвига нуля, и подумал, что знаю одного человека,

который сказал бы именно так, а потом вынул бы изо рта спичку.

— Что делаем? — спросил Гамлет Ашотович.

— То-то и то-то, — сказал Ярослав с полной уверенностью. — Это закрытая часть, она раскрывается по мере…

— Сколько нужно, я вижу. Крупная сумма. А получим?

— Ещё более крупная. Если только не катаклизм.

— Кто знает, что в скобках?

— Отец. Он старший по Схеме. Сведения секретные.

— Понятно. — Тяжёлые глаза переместились на седьмой ряд. — А вы кто?

Эварист Лазаревич начал распрямляться и прекратил это примерно на середине, поскольку впереди была спинка кресла.

— Гурвич. Научный руководитель.

— Что скажет наука?

— Наука полагает, что в скобках ничего нет, и готова это доказать.

Ярослав издал негромкий звук. Гамлет Ашотович даже не посмотрел на него. Он смотрел на палец, который сегодня был цвета запёкшейся крови, и я мог бы поклясться, что он отметил всё, что можно было отметить, сложил в какую-то папку у себя в голове и больше к этому не вернётся.

— Благодарю. А это что за прибор?

Я понял, что он спрашивает меня, и встал. Осциллограф я держал перед собой, как держат поднос.

— Осциллограф.

— Что он показывает?

— Ничего, — сказал я. — Он не подключён.

Стало очень тихо. Ярослав закрыл глаза, и на его лице появилось выражение человека, который слышит, как на первом этаже рвётся стояк.

— Вы, стало быть, технический директор. Хорошо. Сколько, по-вашему, мы получим?

Как я уже говорил, я не очень замечаю, когда принимаю решения. Я сообщил то, что знал. Я сказал, что данных для оценки у меня нет, что на двухстах одиннадцати страницах содержится 1146 пар скобок, что логических ошибок я не нашёл, но что проверить выводы без значения переменных нельзя. Если он хочет число, то нижняя граница ноль, а верхней я указать не могу. С такой погрешностью, сказал я, результат в обычном смысле отсутствует, и я не имею права его подписать.

— А зачем тогда едете?

— Там будут приборы.

Сначала я не понял, что с ним происходит. Он сидел на краю сцены совершенно неподвижно, а потом плечи его начали немного ходить, как ходит кузов у стоящего на холостых грузовика, и я не сразу сообразил, что это смех. Звука не было. Смеялся он долго, вытирая глаза костяшкой пальца, и труппа за его спиной постепенно начала улыбаться, не зная чему, с некоторой осторожностью.

— Тридцать лет, — произнёс он наконец, отдышавшись. — Тридцать лет я хороню этот край и знаю цену всему, что здесь было обещано над открытой могилой. Ко мне каждую неделю приходят с цифрами. И ни разу никто не принёс мне документ, в котором не обещано вообще ничего. На двухстах страницах! С доказательствами! — Он погладил папку. — Я двадцать два сезона ставлю эту пьесу, и знаете, чего мне всё время не хватает? Пятого акта. У Шекспира он есть, но все там просто умирают, а я и без него знаю, как это выглядит. Мне интересно, чем кончится у вас. Я дам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.